

Джентльмен с Медвежьей Речки

Автор:

[Роберт Говард](#)

Джентльмен с Медвежьей Речки

Роберт Ирвин Говард

Grand FantasyБрекенридж Элкинс

Идея этого уморительного вестерна была навеяна Роберту Говарду атмосферой родного Техаса и встречами с замечательными людьми: великий писатель еще застал настоящих ковбоев начала XX столетия! Верзила Брек Элкинс – самый сильный парень на селе, но вместе с тем добродушный простак: да его ребенок вокруг пальца обведет! Однако Брек всегда придет к своей цели – поможет слабым, покарает злодеев, принесет в родные края свет просвещения и добьется любви первой красавицы в округе! Другой вопрос – в какую он на сей раз попадет передрыгу и сколько при этом пострадает человек...

Роман, не издававшийся в России более четверти века, представлен в новом переводе. Произведение украшают иллюстрации, специально подготовленные для настоящего издания.

Роберт Говард

Джентльмен с Медвежьей Речки

© Третьякова А. В., перевод на русский язык, 2021

© Квашнин Д. В., вступительная статья, 2021

© Ильиных А. Н., художественное оформление, 2021

© Нестерова Е. В., художественное оформление, 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Герой Гумбольдтских гор

Поэты, романисты образ мой

Воспели, идола-кентавра лик создав.

Однако истины за маской той

Они не знали: мужику не до забав.

Роберт И. Говард. «Ковбой»

Профессиональная карьера американского писателя Роберта Ирвина Говарда, получившего с легкой руки последователей прозвище «техасский мечтатель», длилась относительно недолго – всего около двенадцати лет. Но за это время он успел оставить огромный объем литературного материала. Творивший в конце 1920-х – начале 1930-х годов в небольшом городке Кросс-Плейнс техасец пробовал себя в различных жанрах, добившись наибольшего читательского признания в русле того типа фантастической литературы, что позже назовут «фэнтези». Апогеем его творчества считается цикл произведений о некоем варваре из Киммерии по имени Конан, и это имя известно сегодня, наверное, каждому.

Однако Говард пробовал многие другие профессии, прежде чем взобраться к вершинам литературной славы – довольно сомнительной, кстати, ведь при жизни «техасский мечтатель», как и другие писатели его круга, не добился громкого успеха, публикуясь в так называемых палп-журналах, то есть, по сути, дешевых бульварных изданиях. С юных лет будущий литератор побывал во многих маленьких городках родного штата (его отец был разъездным врачом) и не понаслышке знал о жизни простого человека. Возможно, в этом и кроется секрет писательских достижений Говарда: читатели действительно верили его

историям, ведь в каждой из них отражалась частичка души их создателя.

Уже пытаюсь что-то писать и даже продавать истории различным журналам (в основном безуспешно), юноша работал уборщиком хлопка, клеймовщиком скота, перевозчиком мусора, бакалейщиком, офисным служащим, продавцом содовой воды, стенографистом, упаковщиком инструментов при землемере, составлял новостные репортажи с нефтяных полей. В общем, жизнь Говарда была очень разнообразной, он встречался со многими людьми, и это не всегда приносило ему приятные впечатления – однако неизменно накладывало отпечаток на его сочинения.

Первой профессиональной публикацией молодого таланта стал рассказ «Копье и клык», вышедший в июльском номере журнала «Weird Tales» («Сверхъестественные истории») за 1925 год. С тех пор имя Говарда все чаще и чаще появлялось на страницах этого издания, и в итоге юноша стал одним из ключевых его авторов. Многие произведения техасца читатели открыли для себя именно благодаря «Weird Tales». На страницах этого журнала впервые появился Конан-варвар, так же как чуть раньше – его менее прославленные собратья: Бран Мак Морн, Кулл, Соломон Кейн... Однако в этом издании публиковали только фантастические произведения – у Говарда же в работе были и реалистические сюжеты. И хорошо, что он знал, как с ними поступать.

Если говорить в общем и целом о том литературном наследии, что оставил нам «техасский мечтатель», то сложно подобрать к нему более подходящий эпитет, нежели «мрачное». Что бы мы ни взяли из творчества Говарда – фэнтези, историко-приключенческие рассказы, «восточные» истории, детективы, не говоря уже о триллерах и хоррорах – все это будет навевать особую напряженную атмосферу жути, тайны, опасности. Пусть не всегда это явно заметно, не для всех произведений соблюдены одинаковые пропорции, все же эта тенденция прослеживается.

Исключения составляют, пожалуй, только боксерские истории (о Стиве Костигане и Деннисе Доргане) и вестерны (о Брекенридже Элкинсе, Пайке Берфилде и, с оговорками, Бакнере Граймсе). Это легкие забавные произведения, в которых вовсе не ощущается той мрачности, которая присуща подавляющему большинству произведений Говарда. Для читателей, которые никогда прежде не сталкивались с таким «техасским мечтателем», они выглядят довольно экзотично.

Но Говард всегда остается собой: здесь следует сделать оговорку, что наравне с ироническими рассказами о моряках-боксерах Стиве Костигане и Деннисе Доргане у него есть и серьезные истории о боксе. А уж на вестернах стоит остановиться более подробно.

Вот как раз вернемся к эпиграфу.

Небольшое стихотворение Говарда, состоящее из четырех строк, озаглавленное просто – «Ковбой». Автор еще застал настоящих перегонщиков скота – не тех, чей образ, переосмысленный массовой культурой, увидел потом весь мир. Вот о них-то, о простых людях, он и повествует в этом коротком стихотворении. Между тем писатель создавал произведения и о «настоящих» ковбоях, и о «выдуманных»... и даже о «мистических».

Начнем с последних: говардоведы выделяют условный цикл произведений «Сверхъестественный Юго-Запад», куда в том числе входят и мистические вестерны (наряду с триллерами и хоррорами). Далее – «серьезные» вестерны. Вот среди них-то и попадаются те персонажи, которые вскоре станут классическими в книгах и кинофильмах этого жанра. Суровые парни с пушками на ремне, со звонкими шпорами на запыленной обуви, с острым ястребиным взглядом на обветренных лицах, скрытыми под потертыми шляпами. Подобного рода произведений у Говарда не слишком много, и они в массе своей не слишком выделяются среди множества написанных в том же ключе произведений других авторов той поры, но среди них есть достойные работы, которые отмечают и читатели, и критики.

А больше всего вестернов в наследии техасца – о простых парнях, таких как Брекенридж Элкинс, Пайк Берфилд, Бакнер Граймс... Вот это ковбои так ковбои! Они не ищут приключений – те сами их находят! Они не гонятся за славой – разве что немного. Они не могут пройти мимо попавшего в беду – даже если любому дураку понятно, что этот «попавший в беду» – подставной.

Цикл о Брекенридже Элкинсе был главным источником дохода Говарда в последние годы жизни писателя. Первый рассказ о «джентльмене с Медвежьей реки» был написан в 1933 году, а опубликован – в журнале «Action Stories» («Динамичные истории») в 1934 году, в выпуске за март/апрель. Называлась

новелла «Как я спустился с гор» – и повествовала о первом столкновении дикого «варвара», прежде никогда не выбиравшегося из родного леса, с цивилизацией. Это действо стоило многим, кто столкнулся с дикарем, вывихнутых и поломанных конечностей, выбитых зубов, застрявших в теле кусочков свинца... да и вообще, можно сказать, нашествие Брека Элкинса обошлось небольшому городку как атака целой армии. Но это был только первый выход в свет героя Гумбольдтских гор, дальше рассказы о его приключениях полились как из рога изобилия. В итоге непутевый ковбой снискал среди читателей славу не меньшую, чем варвар из Киммерии, – а может, даже и большую. Понятно, что слава эта осталась только среди современников и не продлилась в годах и десятилетиях, но тем не менее...

Таким путем с течением времени Брекенридж Элкинс родом с Медвежьей речки добрался и до романа, названного в его честь. В 1933–1935 годах Говард написал достаточно рассказов, которые можно было бы сложить в последовательное повествование, поэтому он и сделал компиляцию из ранее опубликованных произведений, добавив к ним еще несколько новых сюжетов – для полноты и связности картины. Прежде писатель уже провернул почти такую же операцию – когда писал свой первый полноценный роман о приключениях Конана под названием «Час Дракона». Хотя этот текст был написан с чистого листа, сюжетные ходы ранее опубликованных новелл в нем также угадываются. В данном случае перед автором стояла более простая задача: выстроить из ряда новелл цельное повествование.

Простая – да не совсем. Говард не стал знакомить читателя с Элкинсом, используя новеллу «Как я спустился с гор»: вместо этого он написал новую главу. И тут начинается самое интересное, что отличает роман «Джентльмен с Медвежьей речки» от разрозненных рассказов о Брекенридже. В первой же главе «Полосатые рубашки и разбитые сердца» нам дают понять причину основного конфликта произведения: любовь. Молодой парень с Медвежьей речки обуреваем романтическими чувствами в отношении конкретной девушки, хотя он стесняется признаться в этом даже самому себе. И все остальные приключения – с остановками в пути, с поворотами не туда, с размышлениями: «а оно мне надо?» – все равно ведут его к той цели, к которой и должны привести. В отличие от романа, отдельные рассказы далеко не всегда связаны с темой любви или влюбленности. Перед нами может быть простой и динамичный, веселый и задорный боевик о перестрелке где-нибудь в деревушке Жеваное Ухо, в котором не участвует ни одна особа женского пола. Именно поэтому началом романа становится новелла «Полосатые рубашки и разбитые сердца», а не «Как я спустился с гор»: с самого начала автор расставляет все точки над «i». Ну, а

далее – как известно, куда кривая мечты выведет...

Надо сказать, в этом отношении сама судьба хранит недалекого героя Гумбольдтских гор. Обладая силой медведя, умом, чего греха таить, он не блещет. Да его ребенок вокруг пальца обведет – но в конце концов по какому-то удивительному стечению обстоятельств каждый раз все складывается хорошо. А вы разве сомневались?

Вот почему так уморительно наблюдать за похождениями юного Брека! Никогда не знаешь, где опростоволосится он на этот раз (хотя заранее знаешь, что обязательно опростоволосится!), как будет потом выбираться из передрыги – и сколько при этом пострадает человек.

Кроме «Полосатых рубашек и разбитых сердец», в роман вошли еще несколько ранее не публиковавшихся новелл: главы третья – «Знакомство с Капитаном Киддом», одиннадцатая – «Учиться никогда не поздно» и тринадцатая – «Как вся Медвежья речка в Жеваном Ухе собралась». Остальные главы романа выходили отдельными рассказами в палп-журнале «Action Stories» в 1934–1935 годах, разница между ними как самостоятельными произведениями и частями более крупного несущественна.

Согласно исследованиям говардоведа Расти Бёрка, роман был получен Отисом Клайном, литературным агентом Роберта И. Говарда, 31 августа 1935 года. Неизвестно, кто был заинтересован в том, чтобы выпустить произведение отдельной книгой, но это была уже третья попытка подобного издания. И, по всей видимости, у этого проекта перспективы тоже были туманными – оттого автор и решил взять в оборот уже проданные и изданные рассказы об Элкинсе. Первая (сборник рассказов, 1933 год) и вторая (роман, 1934 год) попытки не увенчались успехом, так что, надо полагать, Говард не питал в этот раз слишком больших надежд.

Так или иначе, на протяжении осени 1935 года Клайн пытался продать «Джентльмена с Медвежьей речки» разным издателям, не только в США, но и в Великобритании. Прошло более года, и роман наконец вышел – за океаном. Издатель Герберт Дженкинс выпустил приключения Брекенриджа Элкинса в Великобритании в 1937 году – в переплете и суперобложке. Так появилась первая самостоятельная книга тexasского писателя, однако сам он уже не увидел ее... Сегодня то самое первое издание «Джентльмена...» является библиографической редкостью.

И только спустя двадцать восемь лет роман был переиздан снова.

Говардовед Марк Финн, большой поклонник не традиционных героев Говарда, а тех, кого вспоминают значительно реже – моряков-боксеров и Брекенриджа Элкинса, – так отзывался о юмористических вестернах: «Как только я начал читать эти... истории, то услышал, что их рассказывают с долгим, тягучим западнотехасским акцентом. Казалось, что Роберт И. Говард говорит через эти новеллы непосредственно со мной».

Брекенридж Элкинс может встать в один ряд со знаменитыми персонажами американского фольклора – гигантом-дровосеком Полем Баньяном, оседлавшим торнадо ковбоем Пекосом Биллом, путейцем Джоном Генри, лодочником Майком Финком и другими. Как они плоть от плоти этой земли – так же и Брек.

И читатели, и критики не единожды отмечали, что «техасский мечтатель» присутствует в каждом своем тексте. Когда же он, поощряемый своими друзьями по переписке, начал создавать произведения на базе своей родной культуры, мест, где прошли его детство, отрочество и юность, земли, которая была его домом (юго-запад Техаса), они закономерно оказались пропитаны искренностью писателя и правдой жизни в еще большей степени, чем прочие. Это свойственно не только его «серьезным» новеллам, но также легким, простым и открытым юмористическим вестернам о Брекенридже Элкинсе. Даже несмотря на то, что сам герой живет не в Техасе, а в Неваде: географический фактор здесь отступает на второй план.

«Джентльмен с Медвежьей речки» – это квинтэссенция приключений неутомимого героя, спустившегося с гор. Так вперед, читатель, отправляемся вместе с Бреком в путь, полный невероятных встреч и головокружительных приключений! Уж с таким героем Гумбольдтских гор мы точно не пропадем!

Дмитрий Квашнин

Джентльмен с Медвежьей речки

Глава 1. Полосатые рубашки и разбитые сердца

Если б Джоэль Брекстон не выхватил ножик, пока я дубасил его головой о еловый ствол, то я, наверное, и с Глорией Макгроу не поругался бы, и вообще все сложилось бы иначе. А ведь папаша всегда говорил, что Брекстоны – народ никудышный, и он, надо признаться, был прав. Деремся мы, значит, и вдруг Джим Гарфильд как заорет: «Берегись, Брек, у этого паршивца нож!» И тут меня будто что-то ужалило, я глянул на живот – оказывается, Джоэль продырявил мою кожаную рубаху и уже принялся за мою собственную шкуру, пытаюсь добраться до кишок.

Я выпустил его уши, отнял ножик и забросил его куда подальше в самые заросли, а вслед за ним швырнул и самого Брекстона. Так уж вышло, что на его пути оказалось дерево, и он заскулил от боли. Ну, а чего он хотел, пролететь сквозь самую чащу без единой царапины?

Но я вообще парень отходчивый, и даже тогда добродушия не утратил. Я не стал обращать внимания на страшные проклятия, которыми щедро сыпал Джоэль, пока его брат вместе с Джимом Гарфильдом и остальными вытаскивали его из зарослей и окунали в речку, отмывая кровь. Я сел на своего мула, которого звать Александром, и поехал к дому старика Макгроу, куда, собственно, и направлялся, пока не связался на свою голову с этими тупицами.

На Медвежьей речке все мне приходились родственниками, кроме Рейнольдсов и Брекстонов, с которыми я не очень-то ладил, да еще семейства Макгроу, а уж с Глории Макгроу я глаз не сводил с тех самых пор, как на меня надели портки. Во всех окрестностях Гумбольдтских гор, а пространство они занимали немалое, было не сыскать такой высокой, милой и красивой девчонки, как она. Из местных девушек никто, даже мои сестры, не умел так ловко орудовать топором, так вкусно сготовить медвежье жаркое и маисовую кашу. А уж в беге обойти ее не смогла бы ни одна женщина и ни один мужчина – кроме меня, конечно.

Поднимаясь по тропинке, которая вела к дому Макгроу, я вдруг увидел Глорию. Она черпала деревянным ведром воду из ручья. Самого дома не было видно из-за зарослей ольховника. Она обернулась и поглядела на меня. Ну, красота, да и только: рукава закатаны, голые руки, шея и босые, белые как молоко ноги, глаза небесно-голубые, а волосы прямо золотом горят на солнце.

Снимаю я, значит, перед ней свою енотовую шапку и говорю:

- Доброе утречко, Глория. Ну, как поживаете?

- Папашина гнедая кобыла вчера больно лягнула Джо, - говорит она. - Да пустяки, пара синяков. А так у нас все в порядке. Ну, а ты как? Еще не прирос к своему мулу?

- Нет, мэм, - говорю, а сам тем временем слезаю и продолжаю: - Дай-ка, Глория, я помогу тебе ведро нести.

Она уже протянула было мне ведро, как вдруг нахмурилась, в рубашку мою пальчиком тычет и говорит:

- Опять подрался?

- Да это я с Джоэлем Брекстоном сцепился, - говорю. - Так, ерунда. Он утверждал, будто бы индейские комары крупней техасских.

- А тебе-то откуда знать? Ты же никогда в Техасе не бывал.

- Ну, а он не бывал у индейцев, - возразил я. - Да и вообще, не в комарах тут дело. Тут дело в принципе. Мои предки из Техаса, и я не позволю никаким Брекстонам клевету на весь штат наводить.

- Слишком уж часто ты дерешься, - сказала она. - И чья взяла?

- Моя, а как же иначе, - ответил я. - Я всегда побеждаю, не так, что ли?

Это безобидное утверждение, похоже, ее рассердило.

– Уж не вбил ли ты себе в голову, будто никто с Медвежьей речки тебя не одолеет? – сказала она с язвительной улыбкой.

– Ну, – уверенно сказал я, – до сих пор никто и не смог... не считая папаши.

– Просто ты ни разу не дрался с моими братьями, – отрезала она.

– Вот именно, – согласился я, – я ведь многое спускал им с рук. А все почему? Потому что они твои братья, и я не хотел им навредить.

Этих девчонок иногда не поймешь. Глория вдруг взбесилась, выхватила у меня из рук ведро и говорит:

– Да неужели? Вот что я тебе скажу, Брекенридж Элкинс: даже самый младший из моих братьев приструнит тебя, как норовистую лошадь, а если ты хоть одного из них пальцем тронешь, я сама тебе задам! К тому же, да будет тебе известно, один джентльмен – он сейчас как раз у нас дома – мог бы достать пистолет и вмиг разукрасить тебя свинцом, а ты и вытащить свою ржавую пушку не успеешь!

– А я в стрелки и не записывался, – сказал я примирительно. – Но зуб даю, что мой двоюродный братец Джек Гордон запросто его в этом обставит.

– Разве ты со своими братьями справишься с ним! – говорит она презрительно. – Да такого джентльмена вы и во сне не видывали! Это ковбой с Дикой реки, он едет в Жеваное Ухо, а у нас остановился пообедать. Если бы ты его увидел, ты бы вмиг перестал бахвалиться. Посмотри на себя: дряхлый мул, дырявые мокасины да рубаха из оленьей кожи!

– Черт возьми, Глория! – говорю я, а сам запутался вконец. – А рубаха-то кожаная чем тебе не приглянулась? Как по мне, так уж лучше такая, чем домотканая.

– Ха! – фыркает она. – Просто ты не видал мистера Вилкинсона! Он не носит ни кожаных, ни домотканых рубах. Только покупные! Такого элегантного господина у нас и не сыщешь. На сапогах звезды да позолоченные шпоры! А на шее платок красный – он говорит, шелковый. Не знаю. Я таких никогда не видала. А рубаха! В красно-желто-зеленую полоску, красивущая! А белая ковбойская шляпа! А

шестизарядный револьвер с жемчужной рукояткой! А уж какая у него лошадь, какая сбруя – тебе таких и не снилось, болван ты этакий!

– Ну, знаешь ли! – говорю я, а сам уже беситься начинаю. – Если этот твой мистер Вилкинсон такой распрекрасный, так чего ж ты замуж за него не выйдешь?

Зря я это сказал. Из ее глаз едва искры не посыпались.

– А вот возьму и выйду! – процедила она. – Думаешь, такой благородный джентльмен не захочет взять меня в жены, а? А вот я тебе покажу! Возьму и прямо сейчас и выйду за него!

Сгоряча она вывернула кадушку с водой прямо мне на голову, развернулась и припустила во весь дух вверх по тропинке.

– Глория, стой! – крикнул было я, но, пока утирал глаза да вытряхивал щепки из волос, ее уж и след простыл.

И Александр куда-то запропастился. Он хоть и туповат, но сообразил, что дело пахнет жареным, и убежал вниз по склону, как только Глория кричать принялась. Целую милю я за ним гнался, пока не поймал, а потом оседлал его и снова направился к дому Макгроу. Глория, когда в бешенстве, на что угодно способна, лишь бы мне насолить, а уж сильнее, чем выскочить замуж за какого-то дрянного ковбоишку с какой-то там реки, она мне насолить не сумеет. Это ведь она сама себе в голову вбила, будто тот парень на нее не взглянет. Я-то такого не говорил. Как по мне, так только дурак мог бы упустить шанс заполучить Глорию Макгроу в жены, и плевать, какого цвета рубаху он носит.

Сердце мое упало в самые мокасины, едва я увидел то место у ольховника, где мы с Глорией повздорили. Наверняка она приукрасила этого своего мистера Вилкинсона. Ну, сами посудите, где это видано – полосатая разноцветная рубаха да золотые шпоры? Но все-таки, судя по ее словам, парень он явно зажиточный и недурен собой, ну а что я? Вся моя одежда на мне, а уж покупных рубах я и в глаза-то никогда не видывал и уж тем более не нашивал. Я прямо и не знал, что делать: не то броситься на землю и заорать во всю глотку, не то достать ружье, залечь в засаду и ждать, пока этот мистер Вилкинсон мимо проскачет.

Не успел я доехать до того места, где в последний раз видел Глорию, как она уж снова тут как тут, несется, как перепуганная лань, глаза широко раскрыты, рот разинут.

- Брекенридж! - выпалила она, а сама задыхается. - Ох, Брекенридж! Что я только что натворила!

- О чем это ты? - говорю.

- Ну, - говорит, - этот ковбой, мистер Вилкинсон, с тех пор, как к нам в дом вошел, все на меня поглядывал, да только я в его сторону и не смотрела даже. Но вот как только ты меня разозлил, так я домой вернулась, напрямик к нему иду и говорю: «Мистер Вилкинсон, а вы о женитьбе не думали?» А он меня за руку как схватит и говорит: «Я, - говорит, - подруга, о женитьбе задумался, как только вас во дворе увидел, как вы дрова кололи. Потому у вас и остановиться решил». Ну, я ошалела, что сказать - не знаю, а потом глядь - а они с папашей уже свадьбу обсуждают!

- Черт возьми! - говорю.

А она стоит и руки заламывает.

- Не хочу я за мистера Вилкинсона замуж! - всхлипывает. - Я же его не люблю! Он же мне голову вскружил своими манерами да полосатой рубашкой! Что мне делать? Ведь теперь папаша меня наверняка заставит за него идти.

- Ну, нет уж, дудки. Нет, ну ты только посмотри: какой-то попугай заявляется к нам и пытается увести мою невесту! Где они сейчас, дома?

- Спорят о свадебных подарках, - отвечает Глория. - Папаша говорит, что мистер Вилкинсон должен дать ему сто долларов. А мистер Вилкинсон пытается вместо этого всучить ему свой винчестер. Ты только будь осторожней, Брекенридж! Папаше ты и без того не шибко нравишься, а мистер Вилкинсон уж больно хитер, и кобура у него внушительная.

- Я буду вежлив и аккуратен, - пообещал я, а затем забрался на Александра, подхватил Глорию, усадил ее позади себя, и мы вместе поехали вверх по

тропинке, пока до дома не осталась какая-то сотня футов. Я увидел белую кобылу, привязанную возле входа. Такого седла и такой сбруи я раньше и не видывал. Пряжки серебром так и сверкали на солнце. Мы слезли с Александра, я привязал его, а Глория спряталась за белым дубом. Никого на свете она не боялась, кроме своего старика, а уж он-то к ней подход знал.

– Осторожней, Брекенридж, – умоляла она. – Только не рассерди папашу и мистера Вилкинсона. Веди себя скромней и помни о хороших манерах.

Я пообещал, что так и будет, и направился к двери. С кухни из дальнего конца дома доносился грохот кастрюль – миссис Макгроу с другими девушками готовили обед, а из гостиной доносился громкий голос старика Макгроу.

– Мало этого! – говорит. – Мне полагается еще десять долларов поверх винчестера. Говорю тебе, Вилкинсон, за такую девушку, как Глория, этого еще мало! У меня сердце кровью обливается, так не хочется ее отпускать, и только зелененькие помогут мне немного унять тоску!

– Винчестер и пять баксов сверху, – отрезал резкий голос, должно быть, мистера Вилкинсона. – Говорю вам, ружье отменное. В ваших горах другого такого не сыщешь.

– Ну-у, – алчно протянул было старик Макгроу, но тут я не выдержал и вошел, пригнув голову, чтобы не удариться лбом о притолоку.

Старик Макгроу сидел, пощипывая бороду, рядом с ним, как всегда, вытаращив глаза, сидели его долговязые нескладные сыновья – Джо, Билл и Джон, – а на лавке у холодного камина восседал сам мистер Вилкинсон во всей своей красе. Я аж заморгал от удивления. Никогда такой роскоши в глаза не видывал. Все, что рассказала Глория, оказалось сущей правдой: и белая ковбойская шляпа с причудливой кожаной лентой, и сапоги с позолоченными шпорами, и рубаха. Как я его рубаху увидал, так у меня челюсть и отвисла. Такая красота мне никогда и не снилась. Вся в широкую полоску: красную, желтую, зеленую! И пушку его я тоже сразу заметил: усыпанная жемчугом рукоятка кольца сорок пятого калибра торчала из черной кожаной кобуры, которую он привязал к ноге шнуром из сыромятной кожи. Правая рука его так загорела на солнце, что я поклясться был готов: перчаток этот парень не носит. А глаза у него были черные, суровые, никогда раньше таких не встречал. И смотрел он прямо на меня.

Я тогда был еще очень молод, весь смутился, но взял себя в руки и вежливо так говорю:

- Доброе утро, мистер Макгроу.

- Это еще что за юный гризли? - насторожился мистер Вилкинсон.

- Вон отсюда, Элкинс, - раздраженно потребовал старик Макгроу. - Мы обсуждаем личные дела. Вон!

- Знаю я, что за дела вы тут обсуждаете, - гаркнул я, начиная злиться. Но, помня, что Глория попросила вести себя скромней, продолжил: - Я пришел сказать, что никакой свадьбы не будет! Глория не выйдет за мистера Вилкинсона. Она выйдет за меня. А любому, кто посмеет встать между нами, придется иметь дело со мной, и уж поверьте, лучше с голыми руками оказаться один на один со львом или гризли, чем столкнуться со мной!

- Что-о? - зловеще протянул мистер Вилкинсон, вставая с лавки. Всем своим видом он напоминал кугуара, готовящегося к прыжку.

- Выметайся отсюда! - взревел старик Макгроу, вскакивая и хватая железную кочергу. - Это моя дочь, и решать мне, а не тебе! Мистер Вилкинсон дает взамен отличный винчестер и пять долларов в придачу. А ты что можешь предложить, бестолковый дуболом?

- Кулаком в нос я могу предложить, скупердяй ты старый! - вспыхнул было я, но тут же вспомнил о хороших манерах. Оскорблять старика было ни к чему, и я твердо решил вести разговор тихо и спокойно, несмотря на все его нападки. Поэтому я продолжил: - Человека, готового обменять собственную дочь на пять долларов и ружье, следует отдать живьем на съедение стервятникам! Только попробуй выдать Глорию за мистера Вилкинсона, и увидишь, что тогда будет! Зуб даю, тебе это не понравится!

- Да как ты... - Старик Макгроу замахнулся на меня кочергой. - Да я сейчас проломлю твой безмозглый череп, как орех!

– Дайте-ка я сам с ним разберусь, – процедил мистер Вилкинсон. – Отойдите-ка, не мешайтесь. Слушай сюда, ты, лопоухий горный мул. Даю тебе выбор: сам уйдешь, или тебе помочь и вышвырнуть тебя за дверь?

– Ну, так чего ты ждешь, скунс полосатый? – вежливо ответил я. Он с ухмылкой потянулся за револьвером, но я оказался быстрее. Не успел он спустить курок, как я первой же пулей вышиб у него из руки пушку, отстрелив попутно один из пальцев.

Вилкинсон взвыл и отшатнулся к стене, глядя на меня дикими глазами, пока из раны на руке текла кровь. Я сунул свой старый добрый револьвер сорок четвертого калибра обратно в кобуру и сказал:

– Может быть, у себя в низине ты и считался лучшим стрелком, но здесь, на Медвежьей речке, тебя опередят в два счета. Иди-ка ты домой и...

В этот самый миг старик Макгроу огрел-таки меня кочергой по голове. Сжимая кочергу обеими руками, он изо всех сил размахнулся, и, сдается мне, не оказись у меня на голове енотовой шапки, мне бы не поздоровилось. Но удар застал меня врасплох, я рухнул на колени, и тут трое сыновей старика Макгроу подскочили ко мне и принялись колошматить: кто лавочкой, кто стулом, а кто-то ножкой от стола. Ну, вы же знаете, что семейству Глории я никогда навредить не хотел, да вот только когда старик кочергой меня огрел, я прикусил язык, а этого я не люблю. Как бы то ни было, драться с мальчишками я смысла не видел. А они жаждали крови – моей крови, если уж на то пошло.

Так что я встал, схватил Джо одной рукой за шею, другой промеж ног и аккуратненько швырнул его в окно. Вот только позабыл совсем, что окно-то деревянными балками было заколочено, чтоб медведи не поналезли. Джо вышиб эти балки, вылетел на улицу, ну и оцарапался слегка в полете. Глория закричала, и я уж хотел крикнуть ей, что все со мной в порядке, чтоб она обо мне не беспокоилась, но только я успел рот разинуть, как Джон сунул мне прямо в рот ножку от стола.

От такого обращения и у святого терпение бы кончилось, но все-таки я не собирался так сильно бить Джона. Откуда ж мне было знать, что от моего тычка он окажется за дверью, да еще и с вывихнутой челюстью?

Старик Макгроу все плясал вокруг меня и метил отвесить мне еще одну затрещину своей гнутой кочергой и не зацепить при этом Билла, который дубасил меня стулом по голове. А вот сам мистер Вилкинсон в потасовке не участвовал. Он глядел на нас обезумевшим взглядом, привалившись к стене. Видать, наши местные склоки были для него в новинку.

Только я выхватил у Билла стул и обрушил его ему на голову, чтобы маленько утихомирить, как старик Макгроу опять размахнулся кочергой. Но я пригнулся и перехватил ее, а Билл тем временем попытался подобрать с пола ножик – видать, вывалился у кого-то из-за голенища. Поскольку он стоял спиной ко мне, я воспользовался случаем и с изрядной силой пихнул его мокасином пониже спины. Билл, вопя, кубарем выкатился за дверь. Кто-то еще закричал – по голосу, вроде как Глория. Тогда я еще не знал, что она как раз хотела войти внутрь. Братец сбил ее с ног, и оба покатались назад во двор.

Я не видел, что творится снаружи. Старик Макгроу принялся кусать меня за большой палец, пытаясь руками нащупать мои глаза, так что я вышвырнул его вслед за Джоном и Биллом. И вовсе я не метил нарочно в дождевую бочку, врет он все! Я и знать не знал, что там стоит какая-то бочка, пока не услышал треск проломленных головой досок.

Я повернулся, чтобы перекинуться еще парой словечек с мистером Вилкинсоном, но тот вдруг как даст стрекача через то самое окно, в которое я бросил Джо. Я уж хотел было его догнать, да у меня в проем плечи не пролезли. Так что я бросился к двери, но едва во двор выскочил, как вдруг передо мной возникла Глория и отвесила мне оплеуху, да такую звонкую, будто бобер ударил хвостом по илистому берегу.

– Ты чего, Глория! – говорю, а самого оторопь берет: из ее голубых глаз чуть не искры сыплются, золотые волосы дыбом стоят. Она была в таком бешенстве, что даже заплакала, и только тогда я впервые узнал, что она умеет плакать. – Да что стряслось? Что я такого сделал?

– Что ты сделал? – переспросила она, воинственно наступая на меня. – Ах ты бандит! Душегуб! Лопухое отродье пятнистого скунса! Гляди, что ты натворил! – Она показала пальцем на своего отца, который пытался вытащить голову из обломков деревянной бочки, на братьев, валявшихся по всему двору, стонущих и перемазанных кровью. – Ты чуть не перебил всю мою семью! – говорит, а сама кулачками у меня под носом трясет. – И ты нарочно швырнул

Билла прямо в меня!

– И вовсе нет! – возмущенно запротестовал я. – Сама знаешь, Глория, я ведь волосу с твоей головы не дам упасть! Черт возьми, да ведь я все это ради тебя...

– Зачем было калечить моего папашу и братьев? – кричит, а сама навзрыд плачет. Девчонки, что с них взять. Да и что я мог сделать? А она дальше всхлипывает: – Если бы ты меня любил, ты бы их не тронул! Ты это нарочно сделал, подлец! Я же просила, чтоб ты вел себя скромно и осторожно! А ты? Замолчи! Не говори мне ничего! Ну, чего как воды в рот набрал? Или язык отсох?

– Я ведь и так с ними осторожно, – громко начал оправдываться я, теряя понемногу терпение. – Не виноват я ни в чем. Если б они понимали, то...

– Не смей наговаривать на мою родню! – взвизгнула она. – А мистер Вилкинсон-то где?

И тут вышеозначенный господин выскакивает из-за угла и залезает на свою кобылу. Глория кинулась к нему, схватила за руку и говорит:

– Если вы все еще хотите взять меня в жены, чужеземец, то я согласна! Я прямо сейчас с вами поеду!

Но тот посмотрел на меня, вздрогнул и отдернул руку.

– Я что, на дурака похож? – пылко осведомился он. – Рекомендую вам выйти замуж за этого юного гризли, по крайней мере, ради сохранения общественного спокойствия! Жениться на вас, когда на вас он глаз положил? Нет уж, благодарю! Оставляю свой палец в качестве сувенира, хотя, сдается мне, я еще легко отделался. Видал я это торнадо в действии и, как по мне, палец – это сущий пустяк! Адье! Если я еще хоть раз на сотню миль приближусь к Медвежьей речке, считайте меня чокнутым!

С этими словами он пришпорил кобылу и так припустил вверх по тропинке, словно за ним гнался сам дьявол.

– Видишь, что ты наделал! – всхлипнула Глория. – Теперь он уже не хочет на мне жениться!

– Так ведь ты же сама за него не хотела! – Я вконец запутался. Тут-то она и набросилась на меня, как рысь.

– Не хотела! – кричит. – Я бы за него не вышла, будь он даже последним мужчиной на земле! Но я требую оставить мне право решать, да или нет! Я не собираюсь позволять какому-то деревенщине на вшивом муле командовать мной!

– И вовсе Александр не вшивой, – говорю. – И вообще, не собирался я никем командовать, Глория. Я просто хотел все устроить так, чтобы твой папаша не заставлял тебя выходить за мистера Вилкинсона. Ведь это же мы с тобой хотели пожениться...

– Это кто тебе сказал, что мы хотели? – взвилась она. – Выйти за тебя, после того как ты поколотил моего отца и братьев? Ты что, вообразил себя лучшим парнем на всей Медвежьей речке? Ха! Сдался ты мне со своими кожаными штанами, ржавым револьвером и енотовой шапкой! Выйти за тебя? А ну, полезай на своего вшивого мула и убирайся отсюда, пока я тебя дробью не разукрасила!

– Ну и ладно! – взревел я, потеряв наконец терпение. – Ну и ладно, раз тебе так хочется! Ты тоже не последняя девушка в этих горах! Да любая будет только рада, если я захочу на ней жениться!

– Ну и кто же, например? – ухмыльнулась Глория.

– Да хоть Эллен Рейнольдс! – рявкнул я. – Вот кто!

– Ну и прекрасно! – говорит она, а голос прямо дрожит от ярости. – Валяй, садись на своего вшивого мула и езжай к ней, охмуряй эту бесстыжую девку, да дырявые мокасины и ржавую пушку не забудь! А мне все равно!

– И поеду! – заверил ее я. – Только не на муле, а на лучшем коне в округе, и на ногах у меня будут сапоги, а на коне – серебряное седло и сбруя. И пистолет у меня будет самый лучший, с покупными патронами! Вот погоди, сама увидишь!

– И где же ты возьмешь все это? – спросила она с издевкой.

– Найду! – рявкнул я, краснея от ярости. – Ты вот спрашивала, уж не вообразил ли я себя лучшим парнем на Медвежьей речке? Так вот, ей-богу, так оно и есть! Я лучше всех, и я это докажу! И я только рад, что ты меня гонишь! А то, чего доброго, еще женился бы на тебе, поселился в каком-нибудь домишке и ничего на свете больше не видел, не слышал и никем бы не стал, кроме как твоим мужем! Но уж теперь-то я объезжу всю страну, побываю во всех уголках и прославлюсь на всю округу!

– Ха-ха-ха! – холодно рассмеялась она.

– Сама увидишь! – гневно пообещал я ей, пришпорил мула и поехал по тропинке.

Ее смех все еще звучал у меня в ушах. Я едва ли не со злостью ткнул Александра пятками в ребра, и тот, громко вскрикнув от изумления, заторопился к дому. Мгновением позже и дом семейства Макгроу, и Глория, и мои юношеские мечты остались позади, скрытые зарослями ольховника.

Глава 2. Как я спустился с гор

– Она еще пожалеет! – пообещал я всему миру, пока Александр что есть мочи мчался сквозь густые заросли кустарника. – Я еще прославлюсь на весь свет, мое имя будет знать каждый, ей-богу! Я ей покажу! Тпру, Александр!

Впереди показалось дерево с пчелиным дуплом. Это дерево я заметил еще накануне. Мое разбитое сердце нуждалось в утешении, и я подумал, что деньги и слава вполне могут немного обождать, пока я заливаю свое горе медом.

Я был в меду уже по самые уши, когда услышал клич моего старика:

– Брекенридж! Эй, Брекенридж! Куда ты запропастился? А, вот ты где. Слезай-ка с этого дерева. Я тебя пока колотить не собираюсь.

Он подошел ближе.

– Это не пчела ли торчит у тебя из уха, Брекенридж?

Я пощупал ухо рукой – и впрямь, пчела. Оказывается, меня всю жалили со всех сторон.

– Да-а, Брекенридж, – продолжал папаша, – ну и местечко ты выбрал, чтобы спрятаться, никакому другому Элкинсу такое и в голову бы не взбрело. А теперь послушай-ка, что я тебе скажу: только что к нам заезжал старик Роджерс из Буффало, он был проездом в Томагавке. Тамошний почтальон сказал ему, что у них для меня письмо из Миссисипи, только отдавать отказался наотрез: говорит, велено вручить лично в руки мне или кому-нибудь из моей родни. Ума не приложу, кому я понадобился в Миссисипи, в последний раз я там был во время войны с северянами. Ну, как бы то ни было, письмо надо забрать. Мы с мамашей посоветовались и решили, что поедешь ты.

– Неужели меня – в Томагавк? – переспросил я. – Вот те на!

– Ну, – протянул отец, запустив пальцы в бороду, – если не умом, то уж мускулами ты точно окреп. Пора тебе мир повидать. Ты ведь и на тридцать миль не отходил от родного дома. Твой брат Гарфильд поехать не сможет, он не до конца оправился после стычки с медведем, а Бакнер занят выделкой шкуры того самого медведя. Где начинается дорога на Томагавк, ты знаешь. Так вот, тебе нужно просто ехать прямо до развилки, а там свернуть направо. Налево будет поселок Вечные Муки.

– Здорово, – говорю. – Наконец-то повидая мир!

А про себя думаю: и Глории Макгроу докажу, что я чего-то да стою, ей-богу!

Сказано – сделано, наутро я оседлал Александра и выехал с самым рассветом. Отец выделил мне на поездку целый доллар и лично сунул его в кобуру. Пару миль папаша шел за мной, щедро раздавая напутствия.

– Смотри, тот доллар, что я тебе дал, трать с умом, – говорил он. – В карты не играй. Пей в меру. Полгаллона кукурузного виски, не больше. Норов свой держи в узде – однако не забывай, что по части кулачных боев твой папаша был когда-то первым в округе Гонзалес, штат Техас. Едва завидишь, что кто-то на тебя косо смотрит, не жди, пока тебе первому по уху съездят. И не оказывай сопротивления представителям закона.

– А кто это, пап? – осведомился я.

– Понимаешь, – начал он, – в городах есть такие люди, работа которых – следить за порядком. Сам-то я никому свою безопасность не доверю, но городские – они не то что мы. Так вот, если встретится тебе шериф и прикажет бросить оружие – да, даже так! – то не спорь, а делай, что тебе велят.

Я был ошеломлен. С минуту помолчав, я спросил:

– А как я узнаю, кто шериф, а кто нет?

– Шерифы носят серебряную звезду на рубашке, – объяснил отец, и я пообещал, что не буду оказывать им сопротивления. Затем папаша развернулся и отправился назад, в горы, а я продолжил свой путь вниз по тропинке.

К ночи я добрался до поворота на Томагавк и решил заночевать там, а рано утром снова двинулся в путь с ощущением, будто уже целую вечность не бывал дома. Солнце стало припекать, и, наткнувшись вскоре на речушку, я решил окунуться. Я привязал Александра к дереву, снял штаны из оленьей кожи и повесил их тут же на ветку, но поясной ремень с револьвером сорок четвертого калибра оставлять не стал – его я из осторожности повесил на ивовый прут, торчащий из самой воды. Вся река вдоль берега заросла ивняком.

Ныряю я, значит, всплываю, и вдруг меня кто-то бьет дубинкой по макушке. Смотрю вверх: прямо надо мной навис индеец, одной рукой держится за куст ивняка, а в другой у него и впрямь дубинка.

Он издал боевой клич и размахнулся по новой, но я ушел под воду, и он промазал, а я вынырнул прямехонько под той веткой, на которой висел мой револьвер, схватил его и – бах! – пальнул по индейцу. Тот пытался было скрыться в кустах, но тут же с воплем схватился за то место, откуда ноги растут.

И минуты не прошло, как до моих ушей донесся топот лошадиных подков, и я даже мельком увидел, как он улепетывает на своем пегом мустанге, приподнявшись в стременах, словно под ним не седло, а раскаленная печь, и – черт его дери! – сжимая в руке мои штаны! Это так сбило меня с толку, что я промахнулся, а потом выскочил из воды и выпустил еще одну пулю прямо в заросли, но индейца уже и след простыл. Я знал, что вряд ли он был не один – скорее, захудалый воришка из пайютов, но в какую же я все-таки попал переделку! Он даже мокасин мне не оставил.

Возвращаться домой без письма и в таком виде я никак не мог, к тому же пришлось бы признаться, что я дважды промазал по индейцу. За такое папаша весь дух бы из меня выбил. Можно было, конечно, продолжить путь как ни в чем не бывало, но вдруг по дороге мне попадутся поселения, а там меня увидят женщины? Да, в те годы я был очень застенчивым парнем. Меня так и прошиб холодный пот. Мне подумалось: когда я отправился покорять мир и сердце Глории Макгроу, я был лучшим из лучших, а теперь что? Стою тут в чем мать родила. Вконец отчаявшись, я нацепил ремень и поехал дальше, в Томагавк. Попадись мне кто, я готов был убить, лишь бы заполучить штаны.

Александра индеец, к счастью, не тронул, да только дорога все равно была не из легких: открыто идти я постеснялся, поэтому побрел через кусты, ведя Александра под уздцы. Александру было нелегко пробираться сквозь заросли, шипы терновника царапали его кожу, он кричал, а мне то и дело приходилось поднимать его и переносить на руках, когда на пути попадались особо острые камни. Да, Александру приходилось несладко, но я все-таки не решался выйти голым на дорогу.

Так мы прошли где-то милю, как вдруг впереди послышались шаги. Я выглянул из зарослей, и передо мной предстало любопытное зрелище. По дороге в том же направлении, что и я, шел человек, одетый, как мне показалось, в городскую одежду – не кожаную и не домотканую, но при этом совсем не похожую на попугайское тряпье мистера Вилкинсона. Красивая одежда, вся в узорах да полосках. На голове у прохожего была круглая шляпа с узкими полями, а на ногах такие башмаки, каких я сроду не видывал, не похожие ни на сапоги, ни на мокасины. Он был весь в пыли и проклинал все на свете, ковыляя по дороге, на которой еще виднелись свежие следы подков. Я забежал вперед, обождал, пока он поравняется со мной, а затем выскочил из кустов, выставив перед собой револьвер.

Прохожий тут же вскинул руки и заорал:

- Не стреляйте!

- Я и не собирался, мистер, - говорю. - Раздевайся и давай мне все свое тряпье.

Он затряс головой, будто бы поверить своим ушам не мог, и спросил:

- На индейца вы не похожи... а скажите, кто вообще тут обитает?

- Демократы по большей части, - сказал я. - Да только некогда мне тут с тобой политику обсуждать. А ну, снимай штаны.

- Боже мой! - застонал он. - Сперва лошадь скинула меня и ускакала прочь, и я шел пешком не один час, поминутно рискуя быть схваченным индейцами и лишиться скальпа, а теперь какой-то голый псих верхом на муле требует мою одежду! Ну, это уж слишком!

- Некогда мне спорить, мистер, - говорю, - того и гляди, кто-нибудь нас увидит. А ну, живей! - Чтобы подкрепить свои слова, я выстрелил вверх его головы, и продырявленная пулей шляпа полетела в пыль.

Он снова взвыл и принялся торопливо раздеваться.

- Что, и белье снимать? - осведомился он, весь дрожа, хотя было чертовски жарко.

- Белье? - удивился я. - Первый раз вижу, чтобы мужчина носил эти бабские штаны. Прав был папаша, страна катится к чертям. Ну, шевелись. Садись на моего мула. Когда доберемся до города, я найду себе другую одежду, а тебе верну твою.

Незнакомец как-то странно посмотрел на меня, вскарабкался на Александра и спросил с отчаянием в голосе:

- Вы мне вот что скажите: как добраться до Томагавка?

– На следующей развилке повернуть направо, – говорю, – а затем...

Тут Александр вдруг повернул голову, увидел этого беспорточного у себя на спине, звонко взвизгнул и что было мочи припустил по дороге, а незнакомец обхватил его обеими руками за шею, изо всех сил пытаюсь не свалиться. Прежде чем они скрылись за холмом, я заметил, что Александр свернул не направо, а налево.

Я оделся, и шкура моя немилосердно зачесалась. Ну, думаю, ладно, покупной одеждой я обзавелся быстрее, чем рассчитывал. Но была она, надо признаться, паршивенькая: куртка снизу позади расходилась на две части, штаны были коротковаты, но хуже всего были башмаки, которые нещадно давили мне ноги. Носки я выкинул, в жизни их не нашивал, но то, что осталось от шляпы, на голову все же нацепил.

Я свернул направо и уже милую спустя вышел на равнину, как вдруг до моих ушей донесся топот копыт. Через секунду я увидел группу людей верхом на лошадях. Один из них крикнул: «Вот он!» – и тут же они перегородили мне путь. Я уж было решил, что незнакомцу удалось добраться до Томагавка, и он отправил своих дружков поквитаться со мной за украденную одежду.

Я соскочил с дороги и помчался прочь прямо по траве, и все они бросились за мной в погоню, крича: «Стой!» Чертовы башмаки так больно натирали мне ноги, что я не мог как следует разогнаться, и уже через четверть мили почувствовал, что преследователи меня вот-вот настигнут. Так что я достал револьвер, крутанул барабан, но, пытаюсь развернуться на полном ходу, поскользнулся в этих чертовых башмаках и приземлился задом прямо в заросли кактусов как раз в тот момент, когда спускал курок. Поэтому пуля только сбила шляпу с того, что скакал впереди всех. Он заорал и остановил лошадь прямо передо мной, но, когда я готов был уже выпустить очередную пулю, на рубахе у него блеснула звезда. Я тут же бросил револьвер и задрал руки вверх.

Они окружили меня – судя по виду, это были ковбои. Человек со звездой спрыгнул с лошади, подобрал мой револьвер и выругался.

– За каким лешим ты убегаешь и палишь куда ни попадя? – властно спросил он.

– Я не знал, что вы шериф, – отозвался я.

– Черт побери, Маквей, – сказал один из ковбоев, – ты же сам знаешь, какие они нервные, эти неженки. Наверняка он принял нас за головорезов из банды Сантри. Эй, ты, а лошадь-то твоя где?

– Нету у меня лошади, – отвечаю.

– Сбежала от тебя, что ли, а? – спросил Маквей. – Ну, тогда залезай к Кёрби и поехали.

К моему удивлению, шериф сунул мой револьвер обратно мне же в кобуру. Так что я залез на лошадь, уселся позади Кёрби, и мы тронулись. Кёрби все предостерегал меня, чтобы я не свалился, и это выводило меня из себя, но я молчал. Где-то через час впереди показались дома – как мне сказали, это и был Томагавк. Я слегка запаниковал, когда впервые увидел город, и едва удержался, чтобы не спрыгнуть и не убежать обратно в горы, да только я знал, что меня тут же поймают из-за этих чертовых ботинок, так их растак.

Таких домов я никогда раньше не видывал. Сколоченные из досок, высокие, в два этажа. На северо-западе и на западе в нескольких сотнях ярдов за поселением возвышались холмы, а с других сторон раскинулись равнины, поросшие кустарником и лесом.

– Вы, ребята, езжайте в город и расскажите всем, что представление скоро начнется, – сказал Маквей. – А мы с Кёрби и Ричардсом доставим его на место.

Я видел, как по улицам снуют люди. Никогда бы не подумал, что в мире, оказывается, живет так много народу. Шериф и еще двое ребят отправились к северной части города, остановились возле старого амбара и приказали мне слезать. Я послушался, после чего мы вошли внутрь и оказались в какой-то странной комнате, уставленной скамейками, с кучей полотенец и ведер с водой. Шериф сказал:

– Раздевалка так себе, но сойдет. Мы с парнями не очень-то смыслим в этих ваших делах, но постараемся посодействовать в меру сил. Вот только... у того, другого, нету ни тренера, ни помощников. Как себя чувствуешь?

– Хорошо, – говорю, – только есть охота.

– Ричардс, притащи ему что-нибудь из еды, – тут же распорядился шериф.

– Я думал, перед поединком есть не положено, – отозвался Ричардс.

– О, я думаю, ему виднее, – отозвался Маквей. – Иди.

Ричардс ушел, а шериф с Кёрби принялись ходить вокруг меня, осматривать со всех сторон, будто трофейного быка, щупать мои мышцы, и наконец шериф сказал:

– Ей-богу, если размер хоть что-то да значит, то денежки, почитай, уже у нас в кармане!

Я вынул доллар из кобуры и сказал, что заплачу за проживание, но они хохотнули, хлопнули меня по спине и сказали, что я большой шутник. Затем вернулся Ричардс с блюдом, полным еды, а за ним появились вооруженные мужчины с бакенбардами и в сапогах. Они принялись меня разглядывать, а Маквей объявил:

– Смотрите, парни! С ним наш Томагавк сегодня либо выстоит, либо падет!

Все стали расхаживать вокруг меня, точь-в-точь как шериф с Кёрби, а я стусевался и слопал разом три или четыре фунта говядины с картошкой, закусил здоровенным куском белого хлеба и выпил почти целый галлон воды, потому что меня уже давно чертовски мучила жажда. А они все стояли, разинув рты, пока наконец один из них не сказал:

– А почему он не явился вчера с почтовыми лошадьми?

– Ну, – сказал шериф, – как говорит кучер, он так нализался, что они решили оставить его в Бисни, а сами захватили только багаж – вон он, там, на полке. Ему только оставили лошадь и объяснили, как добраться до Томагавка, чтобы он выехал, как только протрезвеет. Сегодня мы с парнями ждем его, а его все нет и нет. Вот мы и решили поискать его, да там на дороге он нам и попался.

– Бьюсь об заклад, эти молодцы из Великих Мук что-то задумали, – сказал Кёрби. – Ни один из них еще не объявился. Наверняка сидят там у себя и

замышляют что-то против нас. Они-то хотели, чтобы представление состоялось у них в Муках. Утверждали, что, раз уж половину оплатил Томагавк, а вторую половину – Гансток, то все должно состояться у них!

– Это все чепуха, – сказал Маквей. – Выбор был между Томагавком и Ганстоком, мы бросили монету и честно победили. Если Великие Муки хотят нарваться на неприятности, они их получат. Ну что, ребята из Ганстока уже тут?

– Еще бы! – отозвался Ричардс. – В Томагавке все таверны битком забиты ковбоями. Те уж накачались виски, и их прямо распирает от гражданской гордости. Ставят на кон все вплоть до последней рубахи и затевают уже девятую по счету потасовку. Да у нас собрался весь Гансток!

– Ладно, тогда начнем, – сказал Маквей. Его слегка потряхивало. – Чем быстрее все закончится, тем меньше крови придется пролить.

Не успел я и глазом моргнуть, как меня схватили и принялись стягивать одежду. Тут уж я подумал, что меня, наверное, теперь арестуют за то, что я украл тряпье у того чужака, но Кёрби достал с полки в углу чемодан и рылся в нем, пока не вытащил пару чудаковатых штанов; потом-то мне уже объяснили, что они были сшиты из белого шелка. Натянул я их, потому как больше мне ничего не предлагали, и штаны оказались впору. Ричардс повязал мне вокруг пояса американский флаг, а на ноги мне нацепили какие-то чудные башмаки с шипами.

Я позволил им делать все, что пожелают, помня слова папаши: не оказывай сопротивления представителям закона. Тем временем снаружи стало шумно, не иначе, собралась целая толпа народу. Вскоре в амбар заглянул тощий старый оборванец с бакенбардами и рявкнул:

– Слушай, Мак, черт бы тебя побрал! У меня ожидает отправки с вечерней почтой крупная партия золота, а весь чертов город собрался глазеть на это ваше безобразие! Что, если Индеец Сантри со своей бандой пронюхает об этом?

– Ну, – протянул Маквей, – я пошлю к тебе Кёрби, пусть поможет сторожить.

– Пошлешь ты меня, как же, – сказал Кёрби. – Я тут же откажусь быть помощником шерифа, и всего делов. Я поставил все до последнего цента и не

намерен пропустить представление.

– Ну, отправь кого-нибудь другого! – упорствовал чудаковатый старикашка. – У меня и так с этим магазином забот по горло, а еще за станцией следи, да за почтой... – Он исчез, бормоча что-то себе под нос, а я спросил:

– Это кто такой был?

– А-а, – сказал Кёрби, – это старик Brenton, хозяин магазина, что на другом конце города, на восточной стороне улицы. И почта у нас там же.

– Так он-то мне и нужен, – говорю. – Есть там у вас на почте одно письмо...

Тут в амбар ввалился еще один незнакомец и выкрикнул:

– Ну что там, все готово? Народ уже теряет терпение!

– Готово, – ответил Маквей и накинул мне на плечи тряпку – «халат», как он выразился.

Вместе с Кёрби и Ричардсом они подхватили полотенца, ведра с водой и прочую ерунду, и мы все вместе вышли через дверь напротив. На улице собралась целая толпа, все улюлюкали и палили в воздух. Я хотел было скрыться в амбаре, но меня удержали и успокоили, что все в порядке. Мы пробивались сквозь толпу – в жизни не видел столько сапог и револьверов разом, – пока не очутились перед каким-то загоном, сделанным из четырех столбов, вбитых в землю, и натянутых между ними веревок. Мне сказали, что это «ринг», и велели залезать внутрь. Ну, я так и сделал. Земля внутри оказалась ровнехонько утопанной и твердой. Мне велели садиться на табурет в углу; я послушался, и меня завернули в какую-то робу, словно индейца.

Тут все снова закричали, и несколько человек (из Ганстока, так мне Маквей объяснил) перешагнули через веревки с другой стороны ринга. Один из них был одет в точности как я; никогда в жизни не видал такого смешного человека. Уши как два кочана капусты, сплюснутый нос, начисто выбритая голова, а череп гладкий, словно пуля. Он сел в углу напротив меня.

Затем еще один незнакомец вскочил, замахал руками и громогласно протрубил:

– Джентльмены, всем вам знакома предыстория этого поединка. Мистер Бэт О’Тул, будучи проездом в Ганстоке, изъявил желание побить любого, кто решится выступить против него. Томагавк ответил на вызов и пригласил из Денвера самого мистера Костолома Макгурти, что родом из Сан-Франциско!

Он указал на меня пальцем, и все тут же загалдели, принялись палить в воздух, а я сконфузился и весь покрылся холодным потом.

– Этот поединок, – продолжал незнакомец, – проводится согласно правилам Лондонского профессионального боксерского сообщества, то есть согласно тем правилам, которых придерживаются на чемпионатах. Никаких перчаток, раунд оканчивается, когда один из бойцов окажется в нокдауне. Поединок оканчивается, когда один из бойцов не сможет подняться на ноги за время моего отсчета. Я, Юкка Блэйн, буду судить этот поединок, поскольку я родом из Жеваного Уха, и, следовательно, беспристрастен. Все готовы? Начали!

Маквей спихнул меня с табурета, стащил с меня халат и вытолкнул на середину ринга. Я чуть не помер от смущения, но заметил, что парень по фамилии О’Тул одет в такое же безобразие. Он подошел ко мне и протянул руку. Мы обменялись рукопожатием, а затем безо всякого предупреждения он врезал мне в челюсть слева. Сильно так врезал, будто мул лягнул. Я упал и треснулся головой о землю. О’Тул зашагал обратно в свой угол, а ганстокцы принялись плясать и обниматься, в то время как жители Томагавка недовольно рычали, хватаясь за револьверы и вертя в руках охотничьи ножи.

Не успел я подняться, как Маквей и его помощники вскочили на ринг, оттащили меня в угол и облили водой.

– Сильно прилетело? – громко осведомился Маквей.

– От кулака-то? Разве кулаки могут кому-то навредить? – удивился я. – Я бы и не свалился, да только он застал меня врасплох. Я же не думал, что он меня колошматить вздумает. Раньше я в такие игры не играл.

Полотенце, которым Маквей махал вокруг меня, выпало у него из рук. Он побледнел.

- Ты что же это... разве ты не Костолом Макгурти из Сан-Франциско? - взревел он.

- Не-ет, - отвечаю, - я Брекенридж Элкинс с Гумбольдтских гор. Приехал получить на почте письмо для папаши.

- Так ведь кучер нам описывал, во что был одет Макгурти... - начал было он.

- Видите ли, какой-то индеец стащил мою одежду, - объяснил я, - поэтому мне и пришлось позаимствовать тряпье у одного господина. Может, это и был ваш мистер Макгурти.

- Что там у вас? - спросил Кёрби. Он притащил еще одно ведро воды. - Следующий раунд того и гляди начнется.

- Нам крышка! - рявкнул Маквей. - Это никакой не Макгурти! Это чертов деревенщина, спустившийся с гор! Он уколошил Макгурти и стянул его одежду!

- Мы пропали! - в ужасе вскрикнул Ричардс. - Томагавк поставил на кон все свои деньги, хотя никто даже в глаза не видал, кого мы притащили! Всею виной доверие и гражданская гордость. Теперь нам уже деваться некуда. Томагавку конец! Что нам делать?

- Пускай идет и дерется, черт бы его побрал, - рассудил Маквей, достал пистолет и ткнул дуло мне в спину. - А после боя мы его повесим.

- Так ведь он никакой не боксер! - простонал Ричардс.

- Плевать, - сказал Маквей. - На кону честное имя нашего города; Томагавк обещал выставить О'Тулу соперника и...

- А-а! - осенило меня. - Так мы должны драться, что ли?

Маквей зарычал, Кёрби схватился за револьвер, но в эту секунду судья объявил начало раунда, и я вскочил и бросился на О'Тула. Если им нужна всего лишь драка - прекрасно, будет им драка. Все эти мудреные правила, вопли и прочая

ерунда так меня запутали, что я не сразу понял, чего от меня хотят. Я врезал О'Тулу со всего маху, но он уклонился и стал колошматить меня в ответ – в живот, в нос, в ухо и в глаз. Брызнула кровь, толпа взревела, а этот кретин встал столбом, как огорошенный, и процедил сквозь зубы:

– Ты человек или медведь? Почему не падаешь?

Рот у меня был полон крови. Я сплюнул, схватил соперника обеими руками и впился зубами ему в ухо. О'Тул завизжал, как дикий кот. Подскочил Юкка и попытался развести нас в стороны, но я отвесил ему оплеуху, и тот кувырком полетел на веревки.

– Ваш парень бьется не по правилам! Это фол! – заорал он, но тут вступился Кёрби.

– Послушай, ты что, совсем одичал? Видишь эту пушку? Еще раз услышу слово «фол» – вмиг нашпигую тебя пулями!

О'Тул тем временем ухитрился вырваться и тут же треснул меня кулаком в челюсть. Тут уж я начал терять терпение и снова пошел на него.

– Задумал превратить честный бой в уличную потасовку? – прошипел он. – Ну, будь по-твоему. Даром я, что ли, рос в Файв-Пойнтс! – с этими словами он врезал мне коленом промеж ног и попытался ткнуть мне пальцем в глаз, но я вцепился ему в большой палец зубами и принялся кусать и пережевывать изо всех сил, и О'Тул заверещал во весь голос.

Толпа к тому времени окончательно разбушевалась. Я швырнул О'Тула на землю и начал месить ногами, но в эту секунду кто-то из толпы пальнул в мою сторону. Пуля сбила ремень, и штаны начали сползать.

Я ухватился за штаны обеими руками, а О'Тул тут же встал на ноги и накинулся на меня, истекая кровью и мыча, но я не осмелился отпустить штаны даже ради самозащиты. Я извернулся, нагнулся и лягнул его правой пяткой, будто мул. Удар пришелся ему в подбородок. Он перекувыркнулся в воздухе, ударился башкой о землю, отпружинил от веревок и наконец рухнул на спину, зацепившись ногами за канаты. Не было сомнений в том, кто победил. Вопрос был только один: жив ли О'Тул?

Кто-то из ганстокцев заорал: «Фол!» Со всех сторон засверкали дула револьверов.

Томагавковцы были на моей стороне и кричали, что я выиграл по-честному, а ганстокцы проклинали меня и сыпали угрозами. Наконец кто-то рявкнул: «Судья пусть решает!»

– Конечно, пусть решает, – сказал Кёрби. – Он-то подтвердит, что мы выиграли честно, а если не подтвердит, то я ему мозги вышибу!

– Вранье! – взревел кто-то из ганстокцев. – Он подтвердит, что был фол, а если скажет, что не было, я его вот этим самым ножом выпотрошу!

После таких обещаний Юкка грохнулся в обморок, и вдруг сквозь галдеж послышался топот копыт. Из-за деревьев, за которыми скрывалась восточная дорога, показалась банда быстро несущихся всадников. Все закричали: «Гляди, вон они, паршивцы из Великих Мук!»

На них моментально нацелилось не меньше сотни стволов.

– Вы явились с миром или с войной? – потребовал объяснений Маквей.

– Мы прибыли, чтобы разоблачить обманщиков! – гаркнул огромный ковбой с красным платком вокруг шеи. – Давай, Макгурти!

Вперед вышла знакомая фигура, одетая теперь в ковбойское шмотье, и подтолкнула моего мула ко мне.

– Вон он! – заорала фигура, тыча в меня пальцем. – Это тот самый головорез, который ограбил меня! А теперь он еще и нацепил мое трико!

– Чего-о? – взревела толпа.

– Вас всех обвели вокруг пальца! – продолжал человек в красном платке. – Вот настоящий Костолом Макгурти!

– А это тогда кто? – выкрикнул кто-то, показывая на меня.

– Я Брекенридж Элкинс, и я начищу морду любому, кто посмеет меня тронуть! – Я уже начал выходить из себя и выставил вперед кулаки, чтобы защититься в случае чего, но мои штаны снова поползли вниз, так что мне пришлось заткнуться и придержать их.

– Ага! – Человек в красном платке взвизгнул, как гиена. – Он признался! Не знаю, в чем тут подвох, но эти подлецы из Томагавка задумали кого-то обхитрить! Зуб даю, что вы, ганстокские подонки, своими глазами убедились, что они мерзавцы и обманщики! Этот человек, Макгурти, несколько часов назад появился у нас в Великих Муках, раздетый до исподнего и верхом на муле, и рассказал, как его поймали на дороге, ограбили и послали не в ту сторону. Вы, скунсы вонючие, задрали нос и отказались проводить бой в Великих Муках, но мы не потерпим, чтобы несправедливость осталась без возмездия! Мы привезли сюда Макгурти, чтобы доказать: томагавковцы вас провели! Никакой это не боксер, это разбойник с большой дороги!

– Эти драные койоты из Томагавка нас обманули! – закричал человек из Ганстока и потянулся за оружием.

– Врешь ты все! – рявкнул Ричардс и направил ствол сорок пятого калибра ему в голову.

В следующую секунду началась пальба, зазвенели ножи, все заорали – короче говоря, полная неразбериха. Молодцы из Ганстока ополчились против храбрецов из Томагавка, а парни из Великих Мук с радостными криками вытащили пушки и принялись палить по всем без разбора, уворачиваясь от ответных пуль. Макгурти взвыл и упал на шею Александру, обхватив его обеими руками, и Александр исчез в облаке пыли и порохового дыма.

Я схватил свой ремень с кобурой, который Маквей повесил на столб в моем углу ринга, и бросился искать укрытие, одной рукой придерживая штаны, пока над моей головой, будто пчелы, жужжали пули. Я хотел было скрыться в кустах, но вспомнил о письме, будь оно неладно, и бросился в город. Крики и пальба остались позади. Добежав до угла улицы, я врезался во что-то мягкое. Оказалось, это Макгурти пытался смяться верхом на Александре. Он держал в руке только одну вожжу, а Александр, судя по всему, уже обежал город по кругу

и едва не вернулся на то место, с которого начал.

Я слишком разогнался и на всей скорости врезался в Александра; мы все втроем повалились на землю. Я вскочил, испугавшись, что Александра убило или покалечило, но тот поднялся, фыркая и дрожа, а вслед за ним встал и Макгурти, издавая смешные звуки. Я нацелил револьвер ему в живот.

– Снимай штаны! – взревел я.

– Боже, – закричал он. – Опять? Это уже входит у тебя в привычку!

– Живей! – подгонял я его. – Взамен можешь нацепить этот позор, который сейчас на мне.

Он скинул штаны, схватил свои трико и тут же бросился наутек, словно испугавшись, что я потребую отдать и подштанники тоже. Я быстро натянул штаны, пришпорил Александра и направился в южную часть города. Я старался держаться поближе к домам, хотя на улицах никого не было, и вскоре оказался возле того самого магазина, где, по словам Кёрби, была почта. Послышались звуки перестрелки, и через дорогу я увидел нескольких мужчин, которые высовывались из-за какой-то лачуги, стреляли и снова прятались.

Привязав Александра на углу магазина, я подошел к задней двери. Там я увидел старика Брентона, он сидел за бочками и отстреливался от парней через улицу. Пули то и дело пролетали совсем рядом, щекотали ему усы, а уж какими он сыпал ругательствами! Я таких и от папаши не слыхивал, даже в тот раз, когда он угодил в медвежий капкан.

Я подошел к старику и положил руку ему на плечо. Тот взвизгнул, развернулся и – бах! – выстрелил мне в лицо, да только брови опалил. А ребята на другом конце улицы загалдели и принялись палить в нас обоих.

Я схватил дуло его винчестера, и он, осыпая меня проклятиями, одной рукой пытался отобрать у меня револьвер, а другой нащупывал нож за голенищем сапога.

– Мистер Brenton, – сказал я, – если вы не очень заняты, дайте-ка мне то письмо, которое пришло на имя моего папаши.

– Никогда больше так ко мне не подкрадывайся! – зарычал он. – Я принял тебя за одного из тех головорезов! Да обернись ты! Чурбан неотесанный!

Я отпустил револьвер, и Brenton выстрелил в голову, высунувшуюся из-за стены лачуги; голова, взвизгнув, скрылась.

– Что это за ребята? – спросил я.

– Индеец Сантри со своей шайкой, что живут в холмах, – проворчал старик Brenton и перезарядил винчестер. – Хотели стибрить золотишко. Да-а, хорош шериф Маквей, нечего сказать; так и не прислал мне никого в помощь. А эти ротозеи возле ринга подняли такой шум, что никто и не услышит нашу перестрелку. Осторожней, вон они!

Шестеро или семеро человек выскочили из-за стены лачуги и с воплями бросились в нашу сторону. Я понял, что никаких писем мне не видать, пока не кончится перестрелка, поэтому достал револьвер, выстрелил трижды, и трое головорезов по очереди свалились посреди улицы, а оставшиеся развернулись и дали деру обратно в укрытие.

– Хорошая работа, парень! – крикнул старик Brenton. – Будь я... Ох, Иуда Искариот, мы сейчас взлетим на воздух!

Что-то вылетело из-за угла лачуги и покатилося к нам: магазин-то, оказывается, стоял в низине. Бочка, из которой торчал зажженный шнур, катилась на нас, а шнур извивался, и казалось, будто на нас несется огненное колесо.

– Это еще что за бочка? – спрашиваю.

– Порох! – крикнул старик Brenton и вскочил. – Чего сидишь, остолоп! Беги! Она же сейчас вкатится в дверь!

Он так переполошился, что напрочь забыл о парнях на том конце улицы. Один из них угодил ему в ногу из ружья, и старик снова рухнул на землю, мыча что-то

неразборчивое. Я перешагнул через него и подошел к двери – тогда-то я и схлопотал пулю в бедро. Бочка ударилась о мои ноги и остановилась, а я, недолго думая, схватил ее и швырнул обратно, на ту сторону улицы. Едва она ударилась о стену лачуги, как – бам! – взорвалась, и лачуга скрылась под завесой дыма. К тому времени, как с неба перестали валиться щепки и куски металла, на месте, где раньше стояла лачуга, не осталось и следов головорезов.

– Я бы ни в жизнь не поверил, если б не видел собственными глазами, – слабым голосом простонал старик Brenton.

– Вас задело, мистер Brenton? – спрашиваю.

– Я умираю, – простонал он.

– Погодите умирать, мистер Brenton, – говорю. – Сперва, будьте так любезны, дайте мне письмо, которое пришло на имя моего папаши.

– А как фамилия твоего папаши?

– Мой папаша – сам Билл Элкинс с Медвежьей речки, – говорю.

Не так уж сильно он был ранен. Он протянул руку, нащупал кожаную сумку, пошарил в ней и вытащил конверт.

– Помню, я говорил старому Биллу Роджерсу, что у меня письмо для Билла Элкинса, – сказал он, вертя конверт в руках. – Погоди-ка! Это же не твоему папаше. Глаза у меня уже не те. Видать, в тот раз я не разобрал фамилию. Оно для Билла Элстона, который живет тут, между Томагавком и Великими Муками.

Сразу говорю, вовсе я не пытался прикончить старика Brenton и не громил его магазин. Как он сломал ногу, я уже объяснил, а все остальное – чистая случайность. Когда я понял, что понапрасну натерпелся всего этого позора, я так взбесился от отвращения, что развернулся и бросился прочь, да вот только забыл открыть дверь, потому она и слетела с петель.

Затем я вскочил на Александра, но забыл отвязать его от магазина. Я ткнул мула пятками под ребра, он рванул – и угла здания как не бывало, а за ним уже и

крыша рухнула. Старик Brenton так перепугался, что принялся ругаться на чем свет стоит, и тут-то как раз и прибежала толпа народу выяснять, что за взрыв помешал потасовке между Великими Муками, Томагавком и Ганстоком. Они решили, что это я всему виной, принялись в меня палить, а я ускакал.

Но по пути словил картечь в спину.

Я покинул Томагавк так быстро, что, зуб даю, нас с Александром со стороны было не различить; в тот миг я понял, что прославиться на весь мир будет не так-то просто, как я думал, ведь мир явно настроен враждебно к юношам, еще не окрепшим как следует.

Глава 3. Знакомство с Капитаном Киддом

Я гнал Александра без остановки до тех пор, пока Томагавк не скрылся из виду. Только тогда я немного ослабил поводья и стал все обдумывать. Моя решимость упала в самые башмаки, промеж шипов которых застряли кусочки шкуры мистера О'Тула. Я-то думал, что выйду в люди и покажу Глории Макгроу, какой я храбрец, а теперь и самому смотреть на себя тошно. Я ведь голый, если не считать этих чертовых шипованных башмаков, которые натирают ноги, да пары штанов, заношенных каким-то ковбоем до дыр и наскоро залатанных оленьей кожей. Из имущества у меня был еще старый оружейный ремень да тот доллар, что мне дал папаша, вот только магазинов-то поблизости не было. И, похоже, я схлопотал изрядное количество свинца.

– Ей-богу! – затряс я кулаком, обращаясь ко всему свету. – Ни за что не вернусь на Медвежью речку в таком виде! Не хватало еще, чтобы Глория Макгроу стала смеяться надо мной! Я отправлюсь к Дикой речке, найду там какое-нибудь поселение и попрошусь в ковбои! Буду пасти коров, пока не заработаю достаточно денег, чтобы купить сапоги и лошадь!

Затем я вытащил из-за пояса охотничий нож и принялся выковыривать пулю из бедра и картечь из спины. С картечью пришлось повозиться, но я довел дело до конца. Коров я никогда в жизни не пас, зато в Гумбольдтских горах мне частенько приходилось арканить диких быков. Тамошние быки, живущие в низовьях гор, вырастают особенно здоровыми и злыми. Мы с Александром не раз

на них натыкались, и с тех пор я всегда носил при себе лассо, которое удержит любого быка на свете. И в тот день оно тоже было привязано к моему седлу, и я был рад как никогда, что ковбои его не стащили. Может быть, они и не догадались, что это лассо. Я изготовил его собственными руками специально для ловли быков, кугуаров и гризли, которых в Гумбольдтских горах водится в избытке. Это было лассо из бычьей кожи, длиной футов девятьсот, но при этом очень легкое, а чтобы хонда[1 - Хонда - американское название специального узла, используемого в ковбойском лассо. - Здесь и далее - примеч. переводчика.] держалась крепче, я, орудуя кувалдой, соорудил из полунунтового куска железа заглушку. Я подумал, что с таким лассо меня запросто возьмут в ковбои, пусть даже у меня нет ни ковбойской одежды, ни коня.

Итак, я решил отправиться к ковбоям. Тропы поблизости не оказалось, но я хорошо помнил, в какой стороне Дикая речка, и этого мне показалось достаточно. Я знал, что если долго идти, никуда не сворачивая, то рано или поздно я куда-нибудь приду. К тому же, вдоль ручьев росло достаточно травы, чтобы Александр оставался сытым и довольным, а в рошицах наверняка водились белки да кролики, на которых я бы запросто мог охотиться, сшибая их камнями. Той ночью я сделал привал высоко в горах, сготовил себе на костре штук десять белок и перекусил; конечно, этого было мало, чтобы унять мой аппетит, но я подумал, что на другой день мне непременно повезет, и навстречу попадет медведь или, на худой конец, кабан, забредший в горы по ошибке.

Солнце еще не успело взойти, как я уже оседлал Александра и отправился в путь, даже не позавтракав, потому что поблизости не оказалось ни кроликов, ни другой живности, как ни пытался я ее отыскать. В этом высокогорье не водилось ничего живого, разве что однажды я заметил канюка. Только ближе к вечеру я преодолел Большой хребет, и передо мной раскинулось огромное плато, на котором мог бы уместиться целый город. Красота была вокруг, да и только: ручейки и речушки, поросшие вдоль берегов высокой травой, которая доставала мне до самого стремени; то тут, то там попадались тополя да ели, а склоны холмов сплошь заросли густым сосняком. Вдали там и сям виднелись каньоны и скалы - в общем, никогда я не видал места красивее. Вот только, похоже, никто тут не жил. И я решил, что стал первым из людей, кто ступил на эту землю. Как выяснилось позже, с выводами я поторопился.

Я стал спускаться с гор к равнине, и тут-то начались странные вещи. Сперва прямо на меня выскочил дикий кот. Он пулей пролетел мимо и даже не остановился, только бросил на меня злобный взгляд и ускакал в высокогорья.

Затем мне навстречу попался матерый волчище, он шел во главе девятерых собратьев, и вся эта стая тоже спешила на запад, вверх по склону. Едва они скрылись из виду, Александр коротко вскрикнул и задрожал, и тут же из непроглядной чащи выскочил кугуар; он длинными прыжками несся все в ту же сторону. Он тоже пробежал мимо, рыкнув на нас по пути. Все звери торопились в иссохшие пустые земли, откуда только что спустились мы с Александром. Я стал ломать голову: чего им там понадобилось, когда здесь такое изобилие?

Александр, судя по всему, был озадачен тем же вопросом: мул принялся беспокойно раздувать ноздри и жалобно реветь. Я потянул на себя поводья и тоже принялся – уж не пожар ли разогнал все это зверье, – но дыма я ни учуять, ни разглядеть так и не смог. Так что поехал дальше, спустился по склону на равнину и больше не встречал ни волков, ни рысей, ни пум, ни какой-либо другой живности. Не оставалось никаких сомнений: кто-то распугал всех зверей, и это был точно не человек, ведь меня-то они ничуть не побоялись. Обогнули меня, да и только. Через несколько миль мимо меня проскакал целый табун лошадей во главе с жеребцом. И уж на что мощный это был жеребец, а и тот казался напуганным не меньше прочих.

Когда я вышел на открытое место, солнце уже садилось, и я понял, что дьявольски проголодался. С одной стороны сквозь заросли ивняка и тополей виднелся ручей, а с другой возвышался лес, над которым маячили горные вершины. Пока я раздумывал, не поискать ли мне мелких съедобных зверушек, или же стоит замахнуться на дичь покрупнее – волка там или рысь, – из ельника вдруг выскочил огромный гризли – он тоже шел на запад. Едва завидев нас с Александром, он остановился и зарычал, будто мы его чем-то разозлили, и не успел я глазом моргнуть, как медведь двинулся на нас. Я тут же достал револьвер и мигом проделал ему дырку в голове, а затем слез с Александра, отпустил его пожевать высокой травки, а сам тем временем освежевал медведя, вырезал несколько кусков мяса, развел огонь и принялся утолять голод. Это оказалось не так-то просто, ведь у меня ни крошки во рту не было с прошлого вечера.

Жую я, значит, жареную медвежатину и вдруг слышу топот лошадиных копыт. Смотрю – и точно, с востока прямо на меня несутся шестеро на конях. Один высокий, с меня ростом, а остальные – так, футов по шесть каждый. Судя по одежке, все они были ковбоями, причем тот, что покрупней, был одет почти так же шикарно, как мистер Вилкинсон, разве что полосатой рубахи не хватало. Зато он тоже мог похвастаться причудливыми сапогами и широкополой ковбойской

шляпой, из-за пояса у него высывался кольт с рукоятью из слоновой кости, а из другой кобуры, пристегнутой к седлу, торчал обрез дробовика. Он был хмурым, смотрел исподлобья, а челюсть у него была такая мощная, что он бы запросто смог перегрызть все спицы деревянного колеса, если бы, конечно, захотел.

Он начал было говорить со мной по-пайютски, но не успел я ничего ответить, как один из его товарищей сказал:

- Э, нет, Донован, это не индеец. Глаза у него больно светлые.

- Ага, теперь вижу, - ответил Донован. - Сперва-то я готов был поклясться, что это индеец: ты только посмотри на его драные штаны и темную кожу. Кто ты такой, черт тебя дерит?

- Брекенридж Элкинс с Медвежьей речки, - отвечаю, а сам аж едва не ослеп от его роскоши.

- Ну, - говорит, - а я - Дикий Билл Донован, тот самый, чье имя заставляет дрожать от страха всех от Паудер-ривер до Рио-Гранде. А теперь я ищу дикого жеребца. Ты его не видал?

- Пробегал тут один вместе с целым табуном лошадей. Побежал на запад.

- Не-ет, то был не он, - возразил Донован. - Я ищу пегого жеребца, самого здорового, самого мощного на всем белом свете. Он пришел с Гумбольдтских гор, еще когда был жеребенком, и с тех пор проскакал весь Запад от границы до границы. Он так силен, что никакой табун ему не нужен. Кобыл он отбивает у других жеребцов, а странствует всегда один, такой уж он строптивый. Когда приходит он, все, даже хищники, прячутся по деревьям.

- Хочешь сказать, что все эти волки, пантеры и медведи, которых я повстречал, спасались от этого твоего жеребца? - спрашиваю.

- Именно, - подтвердил Донован. - Он пересек восточный хребет ночью, и звери, те, что посообразительней, тут же дали деру. Мы шли за ним, но где-то здесь его след теряется.

– Так вы за ним гонитесь? – спрашиваю.

Донован фыркнул и коротко, но злобно рассмеялся.

– Ха! Не родился еще человек, который смог бы угнаться за Капитаном Киддом! Мы просто идем по его следу. Идем по следу уже пять сотен миль и надеемся, что нам удастся застать его врасплох или что-то вроде того. Нам нужно запастись терпением, прежде чем подойти к нему близко или хотя бы просто показаться ему на глаза. Нам еще жить не надоело! Этот дьявол угробил больше людей, чем все остальные лошади на этом континенте.

– Как, говоришь, его звать? – спрашиваю.

– Капитан Кидд, – повторил Донован. – Давным-давно жил один знаменитый пират с таким именем. Этот жеребец шибко похож на него, в особенности норовом. Но я его заполучу, пусть даже мне придется идти за ним по пятам до самого залива. Дикий Билл Донован всегда получает то, чего хочет, будь то деньги, девки или лошади! А теперь слушай меня внимательно, горный дикарь: мы поскачем на север, поищем там следы Капитана Кидда. А ты гляди в оба, и, если увидишь пегого жеребца – такого огромного, каких ты в жизни не встречал, – или наткнешься на его следы, бросай все и тут же скачи за нами, расскажи мне. И не вздумай сбежать, пока не найдешь нас, понял? Иначе тебе несдобровать.

– Да, сэр, – говорю. – Джентльмены, а вы, случаем, не с Дикой ли речки?

– Может, оттуда, а может, и нет, – сказал он, раздувшись от важности. – Тебе-то что, хотел бы я знать?

– Ничего, – говорю. – Просто я как раз иду туда, хотел вот узнать, не нужен ли там еще один ковбой.

Едва он это услышал, как тут же запрокинул голову и громко расхохотался, а вслед за ним загоготали и остальные. Я даже растерялся.

– Это ты-то ковбой? – прорычал Донован. – Ты только глянь на свои штаны! А башмаки-то! А рубаху-то где потерял? Готов поспорить, скачешь ты верхом на

во-он том тупом муле, который жует траву у ручья! Ха-ха-ха-ха! Сидел бы ты лучше у себя в горах, грыз бы и дальше свои корешки с орехами да ловил зайцев, как остальные пайюты, будь они хоть краснокожие, хоть бледнолицые! Да хозяин любого ранчо, коли у него есть хоть капля гордости, мигом всадит в тебя заряд дроби, посмей ты его спросить о работе. Ха-ха-ха! – Не прекращая смеяться, он пришпорил лошадь и поскакал прочь.

Я так смутился, что прямо весь вспотел. Александр был хорошим мулом, хотя с виду и впрямь казался туповатым. Но он был единственным живым существом, которое могло везти меня на своем хребте много миль подряд и не выдохнуться. Он был чертовски силен и вынослив, хотя, надо признаться, и впрямь слегка туп и вислобрюх. Я начал было злиться, но Донован и его спутники уже скрылись из виду, а на небе стали загораться первые звезды. Так что я зажарил себе еще медвежатины и поужинал, а тем временем вокруг стало жутко тихо, так что ни волка, ни кугуара не слышать. Все звери скрылись на западе за хребтом. Этот Капитан Кидд наверняка был хозяином тех мест, раз уж даже хищники его боялись.

Я подогнал Александра поближе, стреножил его, соорудил себе постель из веток, укрыл их седлом и лег спать. Проснулся я за полночь: Александр растолкал меня, пытаюсь улечься рядом.

Я был недоволен, сел и собрался было дать ему по носу, чтоб не лез куда не следует, как вдруг услышал звук и понял, чего он испугался. Никогда раньше я такого звука не слышал. У меня прямо волосы дыбом встали. Это было лошадиное ржание, да вот только я и представить не мог, чтобы лошадь могла так ржать. Бьюсь об заклад, это ржание можно было бы услышать и за пятнадцать миль. Будто одновременно ржала дикая лошадь, ржавая пила продиралась сквозь узловатую древесину дуба и им подвизгивал голодный кугуар. Источник звука находился где-то в миле от моего ночлега, но наверняка сказать не берусь. Александр весь дрожал, испуганно хныкал и давил меня копытами, пытаюсь укрыться меж веток и спрятать голову за мое плечо. Я отодвинул его, но мул изо всех сил старался держаться поближе ко мне, и, проснувшись утром, я обнаружил его спящим рядом – голову он положил прямо мне на живот.

Александр, видать, позабыл о ночном ржании или подумал, что ему все это просто приснилось, потому что, едва я снял веревки с его ног, он тут же принялся щипать травку и бездумно побрел в самые заросли.

А я опять жарил медвежатину и размышлял, не пойти ли мне за мистером Донованом и не рассказать ли ему о том, что услышал ночью. Он наверняка и сам все слышал, ведь вряд ли они успели уйти так далеко. Но в конце концов я решил, что не подписывался быть у Донована на побегушках.

Не успел я расправиться с мясом, как до моих ушей донесся испуганный крик Александра. В ту же секунду мой мул пулей вылетел из рожицы и со всех ног помчался ко мне, а позади него появился самый здоровенный конь из тех, что я видел за всю свою жизнь. На его фоне Александр казался крохотным пузатым жеребенком. Конь был весь в черных и белых пятнах; поднявшись на дыбы, он издал громогласный крик – у меня аж уши заложило, – а его длинная грива развевалась на ветру в солнечном свете. Затем он развернулся и ускакал обратно в лесок. Видимо, Александра он счел мелочью, не стоящей его внимания.

Александр на заплетающихся ногах подлетел к моему лагерю, пробежал прямо по костру, воя, крича и раскидывая угли во все стороны, а затем рухнул на валявшееся на земле седло, опустил голову и заблеял, будто вмиг осознав, что жизнь его висела на волоске.

Я поймал Александра, накинул на него седло и надел уздечку, но к тому времени Капитан Кидд уже исчез по ту сторону рожицы. Тогда я размотал лассо и бросился за ним. Я был уверен, что никому, даже Капитану Кидду, не под силу порвать мое лассо. Александр заупрямился, он сел на землю, вытянув вперед задние ноги, и стал блеять что-то в свою защиту, но я сказал ему пару ласковых, и он, похоже, понял, что лучше встретиться с самим дьяволом, чем перечить мне, и только тогда неохотно двинулся вперед.

Мы вышли с другой стороны рожицы и увидели Капитана Кидда: тот мирно пощипывал траву на полянке прямо возле деревьев. Я пришпорил мула и двинулся на коня, размахивая веревкой. Жеребец поднял голову и угрожающе фыркнул. Такого сурового взгляда я не видал ни у одного человека, ни у зверя. Но он не сдвинулся с места, а только стоял с важным видом, так что я набросил на него лассо и затянул петлю прямо на его шее, а Александр снова плюхнулся на круп.

Ну, скажу я вам, это было все равно что пытаться заарканить живой ураган. Едва Капитан Кидд почуял веревку у себя на шее, он тут же дернулся и сделал

отчаянный рывок к свободе. Лассо уцелело, а вот подпруги седла не выдержали. Александр кувыркнулся вперед, а вместе с ним, разумеется, и я проделал сальто в воздухе. Но тут обе подпруги лопнули.

Мы с Александром свалились на землю, запутавшись в седле, и Капитан Кидд мигом выдернул его из-под нас, ведь лассо-то было крепко-накрепко привязано к седлу техасским узлом; а Александр тем временем избавился от меня очень простым способом: лягнул меня изо всех сил копытом в ухо. Он вскочил на ноги, попутно наступив мне на лицо, а в следующий миг уже несясь сквозь заросли кустарника по направлению к Медвежьей речке. Позже мне рассказывали, что он бежал без остановок до самого папашиного дома, где попытался спрятаться под койкой моего брата Джона.

А Капитан Кидд тем временем скинул с шеи петлю и помчался на меня, широко раскрыв пасть и прижав уши; его зубы и глаза угрожающе сверкали. Я не хотел стрелять в него, поэтому поднялся на ноги и дал деру в лес. Но жеребец был быстрее торнадо, и я понял, что он затопчет меня, прежде чем я успею найти достаточно высокое дерево и вскарабкаться на него, поэтому я с корнем вырвал из земли деревце толщиной с мою ногу, развернулся и шарахнул коня по башке как раз в ту секунду, когда тот поднялся на дыбы и уже хотел затоптать меня передними копытами.

Корни, щепки и кусочки коры полетели во все стороны, и Капитан Кидд заревел, закрыл глаза и опустил на круп. Удар вышел нешуточный. Если бы я с такой же силой треснул Александра, его череп раскололся бы как яйцо – а ведь у Александра был очень прочный череп, даже по меркам мула.

Пока Капитан Кидд мотал головой, пытаюсь вытряхнуть из глаз щепки и искры, я подбежал к огромному дубу и взлетел вверх по стволу. Но жеребец не сдавался, он вмиг очутился под деревом, принялся откусывать от него куски, каждый размером с лохань для стирки, и бить передними копытами по коре, стараясь добраться как можно выше. Но дерево попало крепкое, оно не поддавалось. Конь даже попытался вскарабкаться вслед за мной, что меня немало удивило, но ничего у него не вышло. Наконец он с отвращением фыркнул и неторопливо отошел в сторону.

Я подождал, пока он скроется из виду, а затем слез с дерева, подобрал веревку и седло и пошел вслед за жеребцом. Я знал, что нет нужды ловить Александра – он и без меня доберется до Медвежьей речки в целостности и сохранности. Капитан Кидд – вот кем были заняты мои мысли. В ту секунду, когда я вломил ему деревом, а он не рухнул замертво, я понял, что это идеальный конь для меня – конь, на котором я смогу скакать целый день, зная, что он нисколько не устанет. Я поклялся себе, что объезжу его – разорви меня стервятник, если я вру!

Перебегая от дерева к дереву, я наконец нашел Капитана Кидда: тот самодовольно расхаживал взад и вперед, иногда останавливаясь, чтобы пощипать траву, откусить верхушку от молодого деревца или отломить ветку с дерева покрупнее и ободрать с нее листья. Иногда он гудел как пароход и вставал на дыбы, бороздя копытами воздух из чистого упрямства. Прodelывая этот трюк, он поднимал в воздух столько камней, коры и комьев земли, что казалось, будто он стоит в самом центре бушующего урагана. Никогда за всю свою жизнь я не видывал такого зверя. От него так и веяло буйством и непокорностью, как от апача на тропе войны.

Сперва я хотел накинуть лассо жеребцу на шею, а другой конец привязать к дереву, но подумал, что он запросто перегрызет веревку. И тут я заметил кое-что еще. Недалеко от нас были скалы – это их вершины я видел за рощицей, – и Капитан Кидд как раз подошел к расщелине, похожей на огромный ножевой порез. Он заглянул внутрь и зафыркал, будто надеялся найти там какого-нибудь затаившегося горного льва, но тщетно. Ветер дул в мою сторону, поэтому моего запаха он не учуял.

Едва жеребец скрылся от меня за деревьями, я вышел из своего укрытия и заглянул в расщелину. В самом начале она была футов тридцать в ширину, но затем начинала стремительно расширяться, достигая сотни ярдов в самом широком месте, а затем снова сужалась и заканчивалась тупиком. Со всех сторон, кроме самого входа, возвышались скалы высотой не ниже пяти футов.

– А вот тебе и готовый загон! – сказал я сам себе.

И тут же приступил к делу: начал возводить стену, чтобы загородить вход в расщелину. Позднее я слышал, будто какая-то научная экспедиция (что бы это слово ни значило) обнаружила в горах следы жизни древней цивилизации. Они

сказали, будто бы такую стену могли построить только великаны. С ума они там посходили, что ли? Это была всего лишь моя стена, которую я соорудил для поимки Капитана Кидда.

Я знал, что стена должна быть высокой и прочной, чтобы Капитан Кидд не смог ни перепрыгнуть через нее, ни пробить копытами. У подножия скал было полным-полно булыжников, свалившихся сверху, но я выбирал лишь те из них, которые весили не меньше трехсот фунтов, а большая часть была куда тяжелее. Все утро я с ними провозился, но в конце концов получилась стена такой высоты, что человек обычного роста не достал бы доверху, и такой толщины, что могла бы удержать даже самого Капитана Кидда.

Я оставил небольшой проем в стене и подтащил несколько булыжников поближе, чтобы потом быстренько загородить вход. Затем я встал снаружи и завизжал, как кугуар. Кричать кугуаром я мастак, даже сами кугуары ни за что не отличат от настоящего. Вскоре я услышал воинственный клич Капитана Кидда, вслед за которым раздался грохот копыт, затрещали ветки и наконец появился сам конь. Он прижал уши к голове, оскалился, а глаза у него были красные, и от этого морда у него казалась раскрашенной на манер команчей. Он явно ненавидел кугуаров. И я ему тоже, видать, не приглянулся. Едва завидев меня, жеребец угрожающе заворчал и бросился в мою сторону. Я нырнул в расщелину и вжался в стену, а он вихрем влетел вслед за мной и проскакал таким манером до самой середины. Пока он понял, что это ловушка, я уже успел выскочить наружу и принялся толкать булыжник, чтобы загородить вход. Камень я выбрал хороший, размером с доброго борова. Я затолкал его в щель, а поверх навалил еще камней.

Капитан Кидд бил стену копытами, грыз зубами и всячески вымещал на ней свою ярость, но я успел завалить вход так, что он не смог бы ни допрыгнуть доверху, ни раскидать камни. Он старался изо всех сил, но все, чего сумел добиться – это отколоть копытами несколько кусков булыжника. Он был вне себя. Никогда в жизни я не видывал таких злых лошадей. Я вскарабкался на стену и заглянул внутрь, и он прямо-таки осатанел от ярости, едва завидев меня.

Он буйствовал, метался по расщелине, поднимая клубы пыли и ревя как пароход, а затем вернулся к стене и снова попытался разломать ее копытами. Когда он в очередной раз повернулся ко мне спиной, я перемахнул через стену и мигом оседлал его, но не успел я как следует ухватиться за гриву, как он взбрыкнул и скинул меня. Я перелетел обратно через стену и приземлился прямо

в кактусы и кучу камней, да еще и подбородок рассадил. Это так меня взбесило, что я схватил лассо, снова вскарабкался на стену и попытался заарканить упрянца, но не успел найти, к чему привязать другой конец веревки. Конь вырвал ее у меня из рук и принялся метаться по расщелине, пытаюсь освободиться от пут. Вскоре он опять оказался у стены и так лягнул ее задними копытами, что сверху свалился камень и ударил жеребца прямо промеж ушей. Это было слишком даже для Капитана Кидда.

Оглушенный, он свалился на землю, а я, не мешкая, нацепил на него седло и набросил недоуздок, который успел соорудить из остатков лассо. Сидя в засаде за стеной, я даже починил подпруги – заштопал их веревками из кусочков того же лассо.

В общем, когда Капитан Кидд очухался и вскочил, готовый снова ринуться в бой, я уже сидел у него на спине. Он постоял секунду тихонько, будто пытаюсь понять, что за чертовщина вокруг творится, а потом повернул голову и увидел меня. Через мгновение я узнал, каково это – оседлать ураган.

Чего он только ни вытворял! Он выкидывал такие трюки один за другим, что я едва держался. Я вцепился ногтями ему в шкуру. Не родился еще такой наездник, который мог бы иначе удержаться на Капитане Кидде, а если кто вам скажет иное, так знайте: он нагло врет. Мои ноги то и дело выскакивали из стремян, а иногда стремяна путались местами. Понятия не имею, как такое возможно, но зуб даю, что так и было. То я сидел в седле, то соскакивал на круп жеребца, то оказывался у него на шее. А он все запрокидывал голову, пытаюсь цапнуть меня за ногу, и даже один раз едва не укусил меня повыше колена. Я бы мог остаться без ноги, если бы не треснул его кулаком по башке.

То он выгибался дугой, опустив голову промеж передних копыт, и я оказывался так высоко в воздухе, что у меня кружилась голова, то он резко опускался на прямых ногах, и я чувствовал: еще немного, и я услышу, как трещит мой хребет. Жеребец так вертелся, что меня мутило. Выделявая свои трюки, он едва не свернул мне шею. Я словно оказался на настоящем родео. Он катался по земле, что причиняло мне большие неудобства, но я держался крепко, потому что понимал: другой возможности изловить его у меня не будет. А еще я знал, что, если он меня скинет, мне придется пристрелить его, иначе он просто раздавит меня в лепешку. Так что я держался, успокаивая себя мыслями о том, что в жизни есть вещи куда более неприятные, нежели огромный Капитан Кидд, в десятый раз всей своей тушей придавивший тебя к земле.

Он даже попытался соскрести меня о стену, но всего лишь немного оцарапал меня и разодрал штаны, хотя, когда он придавливал меня к камню, ребра у меня вроде как хрустнули.

Он ничуть не устал и, похоже, не собирался прекращать брыкаться, но никогда за всю жизнь я никому не уступал, и поэтому держался до последнего, даже когда кровь брызнула у меня из носа, из ушей и изо рта, а в глазах потемнело. Солнце уже стало клониться к закату, и жеребец в конце концов встал посреди расщелины, вывалив язык длиной едва не три фута; его вспотевшие бока тяжело вздымались подо мной – шутка ли, он проскакал почти целый день!

Но он спекся. Я это видел, и он тоже. Я помотал головой, пытаюсь стряхнуть капли крови и пота и искры, мелькавшие у меня перед глазами, и слез с коня одним простым способом: взял да и вытащил ноги из стремян и тут же рухнул на землю. Так я провалялся не меньше часа, и все это время не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, но и Капитан Кидд, надо признать, выглядел не лучше. Когда я наконец смог подняться на ноги и стащил с него седло и недоуздок, жеребец уже не пытался лягаться. Он предпринял слабую попытку укусить меня, но всего лишь откусил пряжку с оружейного ремня. В том месте, где расщелина начинала сужаться, росли какие-то кустики, и там было достаточно травы, так что я подумал, что когда он отдышится и перестанет фыркать, то сможет восстановить силы.

Я развел огонь посреди углубления в расщелине и зажарил остатки медвежьего мяса, а потом улегся спать.

Проснувшись, я увидел, что солнце уже высоко, и тут же вскочил, сетуя, что проспал так долго. Оглядевшись, я увидел Капитана Кидда: тот преспокойно пожевывал травку чуть поодаль. Он сурово посмотрел на меня, но промолчал. Мне до того не терпелось проверить, позволит ли он мне оседлать себя, что я отложил завтрак и даже не стал чинить пряжку на ремне. Я повесил револьвер на ветку и пошел к нему. Капитан Кидд наострил уши, но ничего не сделал, когда я проходил мимо, не считая попытки лягнуть меня левым копытом. Но я увернулся и пнул его как следует по животу, отчего жеребец заворчал и пригнулся – тут-то я и надел на него седло. Он оскалился, но не мешал мне, пока я пристегивал седло и надевал на него недоуздок, а когда я оседлал его, он побрыкался немного, подскочил с десяток раз да разок куснул меня за ногу.

Можете себе представить, как я был доволен собой. Я спешился, отодвинул камень от входа, вывел коня, но тот, едва очутившись на воле, дал деру со всех ног и протащил меня добрую сотню ярдов, пока мне не удалось зацепить веревку за подвернувшееся под руку дерево. Но, когда я крепко-накрепко привязал Капитана Кидда, тот больше не пытался сбежать.

Я развернулся и пошел было назад, чтобы забрать револьвер, как вдруг услышал топот копыт, и через секунду увидел Донована и пятерых его спутников. Они так и застыли, разинув рты. При виде их Капитан Кидд воинственно зафыркал, но остался на месте.

– Черт меня раздери! – воскликнул Донован. – Глазам своим не верю! Уж не Капитан ли это Кидд стоит там, привязанный к дереву и с седлом на спине? Кто это сделал, неужто ты?

– Ага, – отвечаю.

Донован оглядел меня с головы до ног.

– Охотно верю. Тебя будто через мясорубку провернули. И как ты жив-то до сих пор?

– Ребра слегка побаливают, – говорю.

– Твою-то за ногу! – выдал Донован. – Вы только подумайте, какой-то полуголый дикарь с гор сумел сделать то, что не удавалось лучшим наездникам Запада, а уж они пытались, будьте уверены! Это я признаю. Да вот только я свои права знаю! Этот конь принадлежит мне! Я выслеживал его день и ночь, шел за ним тысячу миль, прочесал это чертово плато вдоль и поперек. Это мой конь!

– Ну уж нет, – говорю я. – Он пришел с Гумбольдтских гор, ты сам сказал. И я тоже оттуда. И вообще, это я его изловил, я его объездил. Так что он мой.

– Парень дело говорит, Билл, – сказал Доновану один из его товарищей.

– Заткни пасть! – взревел Донован. – Дикий Билл Донован всегда получает то, чего хочет!

Я хотел было достать револьвер, но с ужасом вспомнил, что он висит на ветке в сотне ярдов от меня. Донован вытащил из привязанной к седлу кобуры обрез и наставил его на меня.

– Стой, где стоишь, – посоветовал он мне. – Мне следовало бы пристрелить тебя за то, что ты не явился и не сообщил мне, что нашел коня, как я тебе приказывал, но все-таки ты избавил меня от необходимости столкнуться с Капитаном Киддом один на один.

– Ах ты конокрад! – с ненавистью процедил я.

– Выбери-ка выражения! – прорычал Донован. – Я не краду никаких коней! Я его выиграю у тебя в карты по-честному! А ну, сядь!

Я сел, а он опустился передо мной на корточки, продолжая держать меня на прицеле. Был бы это пистолет, я бы наверняка попытался выхватить его и приставить дуло к глотке Донована. Но я тогда был еще молод и неопытен, и перед дробовиками испытывал трепет. Все остальные столпились вокруг нас.

– Смоки, доставай-ка свою колоду, ты сам знаешь, которую, – сказал Донован. – Смоки раздает, и тот, кто выиграет, тот и получит коня. Понял, дикарь?

– Стало быть, я ставлю на кон жеребца, – говорю я злобно. – А какова твоя ставка?

– Моя шляпа! – ответил Донован и захохотал. – Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! – остальные бандиты расхохотались вслед за ним.

Смоки стал раздавать, и я заметил:

– Эй! Доновану ты даешь карты снизу колоды, а не сверху!

– А ну, заткнись! – взревел Донован и ткнул меня обрезом в живот. – Что-то ты, парень, любишь разбрасываться оскорблениями! Игра ведется по всем правилам, мне просто везет. Четыре туза, сможешь побить?

– Откуда ты знаешь, что у тебя четыре туза? – разозлился я. – Ты ведь еще даже не смотрел, какие у тебя карты!

– О... – Опомнившись, он взял карты в руки и разложил их на траве рубашкой вниз: четыре туза и король. – Чудеса, ей-богу! И как я только угадал!

– Потрясающее чутье, – кисло отозвался я и раскрыл свои карты: тройка, пятерка и семерка червей, десятка трэф да бубновый валет.

– Значит, я выиграл! – гаркнул Донован и вскочил на ноги.

Я тут же вскочил вслед за ним, но Донован опять нацелил на меня свой чертов обрез.

– Полезай на коня, Рыжий, да скачи в лагерь, – сказал он рыжему ковбою, который был пониже самого Донована ростом, но такой же крепкий. – Посмотри, объездил ли он его как следует. А я прослежу за этим дикарем.

Рыжий подошел к Капитану Кидду, который все это время стоял молча, и сердце мое упало прямо в мои шипованные башмаки. Рыжий отвязал коня и оседлал его, но Капитан Кидд всего лишь оскалился.

– Но, чтоб тебя! – сказал Рыжий.

Капитан Кидд повернул голову, посмотрел на него, а затем открыл пасть, точь-в-точь как аллигатор, и вдруг расхохотался! Никогда раньше не слышал лошадиного смеха, но я сразу понял, что это именно смех. Капитан Кидд не ржал, как обычные лошади. Он смеялся. Смеялся так, что с дубов посыпались желуди, а громогласное эхо загремело среди скал. Отсмеявшись, он цапнул Рыжего за ногу и зубами стащил его с седла, но не отпустил, а стал трясти вниз головой. Из карманов и из-за пояса у Рыжего посыпались пистолеты и всякая дребедень, а сам он орал во всю глотку. Капитан Кидд продолжал трясти его, пока тот не стал похож на мятую тряпку, а затем крутанул его три или четыре раза над головой и швырнул в самые заросли ольховника.

Все остальные стояли, разинув рты, а Донован даже забыл обо мне, чем я незамедлительно воспользовался: выхватил у него обрез и так засадил ему в

челюсть левым кулаком, что он свалился в самую пыль. Я вскинул обрез и закричал остальным:

– А ну, оружие на землю, чтоб вас всех!

Под дулом дробовика они порастеряли свою храбрость и возражать не стали. Я прекратил орать лишь тогда, когда четыре кобуры оказались на траве.

– Отлично, – говорю, – а теперь идите-ка ловите Капитана Кидда.

Конь уже добрался до их лошадей, привязанных поодаль, лягал их, выбивал из них дух, а те в ответ только яростно кричали.

– Он же нас всех перебьет! – завопили ковбои.

– А мне-то что за дело? – огрызнулся я. – А ну, пошли!

В отчаянии они попытались отогнать Капитана Кидда, но тот легко расправился с ними: кому дал пинка в живот, а кого укусил пониже спины, оторвав добрую часть штанов. Наблюдать за этим представлением было чертовски приятно. Но я все-таки подошел к Капитану Кидду, пока он был занят избиениями, и взялся за недоуздок. Увидав меня, жеребец прекратил драться, а я отвел его подальше от лошадей и привязал к другому дереву. Затем я наставил обрез Донована на четверых парней и приказал им подойти к своему поверженному лидеру. Получилась отличная банда, вся в синяках и кровоподтеках. По их виду сразу было ясно: кто-то обошелся с ними не очень-то вежливо.

Я приказал, чтобы они сняли с Донована кобуру с револьвером, и только после этого он пришел в себя и сел, бормоча что-то неразборчивое о дереве, которое якобы на него свалилось.

– Помнишь меня? – спрашиваю. – Я Брекенридж Элкинс.

– Вроде припоминаю, – пробормотал он. – Мы играли в карты на Капитана Кидда.

– Ага, – говорю, – и ты победил. А сейчас мы сыграем снова. В прошлый раз ты выбирал ставки, теперь мой черед. Ставлю эти вот штаны, которые сейчас на

мне, против Капитана Кидда, твоего седла, узды, кобуры, пистолета, штанов, рубахи, сапог, шпор и шляпы.

- Это же грабеж! - воскликнул он. - Ты настоящий бандит!

- Заткни-ка рот, - сказал я и ткнул ему обрез под ребра. - Сесть! И вы все тоже!

- Ты что, даже непустишь нас проведать, как там Рыжий? - спросили они.

Рыжий так и остался лежать в ольховнике, куда его забросил Капитан Кидд. Бандит громко и отчаянно стонал.

- Пусть полежит пока там, - говорю. - Если он помирает, то мы ему не поможем, а если помирать пока не собирается, то одну партию переживет. Ну, Смоки, раздавай, да только в этот раз сверху колоды.

Дрожа от страха, Смоки стал раздавать карты, а я обратился к Доновану:

- Ну, что у тебя?

- Бубновый флеш-рояль, клянусь богом! - ответил он. - Тебе ни за что не побить!

- Червонный флеш-рояль бьет бубновый, так ведь, Смоки? - обратился я к раздающему.

- Д-д-да! Да! Бьет!

- Ну что ж, - говорю, - я хоть и не смотрел пока свои карты, но точно говорю - у меня червонный флеш. А ты как думаешь? - Я приставил дуло к верхним зубам Донована. - Тебе не кажется, что у меня в руке червонный флеш?

- Я бы ничуть не удивился, если б так оно и оказалось, - проблеял побледневший Донован.

- Значит, все довольны, и мне вовсе незачем раскрывать карты, - сказал я и тут же сунул карты в колоду. - Ну, скидывай свое тряпье!

Донован скинул без возражений, и я отпустил их всех к Рыжему. У него насчитали семь сломанных ребер, вывих предплечья и перелом ноги; товарищи перекинули его через седло и привязали веревками для надежности. Затем они ускакали, не сказав ни слова и ни разу не обернувшись. Все они сникли, а особенно забавно выглядел Донован: ему пришлось повязать вокруг пояса шерстяную попону. Не хватало только перьев в голове, получился бы настоящий индеец, подумал я и тут же озвучил свою мысль. Но Донован, похоже, не оценил шутки. У некоторых совсем плохо с чувством юмора.

Они поскакали на восток, и, едва пропали из виду, я надел выигранное седло на Капитана Кидда; засунуть удила ему в рот было все равно что пытаться побороть торнадо. Но я справился. После этого я стал одеваться в выигранную одежду. Сапоги оказались маловаты, рубаха узка в плечах, но, несмотря на это, я счел, что одет вполне достойно, и даже прошелся немного туда-сюда, жалея, что Глория Макгроу меня сейчас не видит.

Я повесил свое старое седло, рваный ремень и ржавый револьвер на ветку и решил, что потом пошлю за ними своего младшего брата Билла. Пусть оставит их себе, и Александра тоже пусть забирает. А я вернусь на Медвежью речку героем, ей-богу!

С радостным кличем я запрыгнул на Капитана Кидда и поскакал на запад, время от времени щекоча шпорами его бока. Горные охотники потом рассказывали, будто видели, как по долине на запад несется комета, да так быстро, что ничего не разглядеть; их осмеяли, обвинили в пьянстве – вопиющая несправедливость. Ведь на самом-то деле это я верхом на Капитане Кидде несся на Медвежью речку. Он проскакал пятьдесят миль, прежде чем остановился передохнуть.

Я даже и говорить не стану, как быстро Капитан Кидд добрался до Медвежьей речки. Все равно вы мне не поверите. Скажу только, что мне оставалась всего пара миль до дома, как я услышал быстрый стук копыт, и через секунду передо мной появилась Глория Макгроу верхом на лошади. Ее личико побледнело от испуга, но, узнав меня, она вскрикнула и так резко осадилась на лошади, что та поднялась на дыбы.

– Брекенридж! – ахнула Глория. – Мне только что сказали, что твой мул вернулся домой один, и я решила пойти поискать... Ох. – Только теперь она заметила моего коня и шикарную одежду, и тут же осеклась. Она помолчала секунду, а затем сухо продолжила: – Что ж, мистер Элкинс, вижу, вы вернулись в целостности и

сохранности.

– И как видишь, я раздобыл и покупную одежду, и лучшего жеребца в Гумбольдтских горах, – говорю я ей. – А теперь прошу прощения, мисс Макгроу. Мне еще нужно поздороваться с родней, а затем заглянуть в гости к Эллен Рейнольдс. Доброго дня!

– Не заставляй меня применять силу! – вспыхнула Глория, но, едва я прошествовал мимо нее, она тут же закричала: – Ненавижу тебя, Брекенридж Элкинс!

– Знаю, – сказал я с горечью, – и незачем мне напоминать...

Но она уже развернулась и пулей умчалась прочь, к себе домой, а я поехал восвояси, размышляя про себя, какие же все-таки странные они создания, эти девушки.

Глава 4. Разбойники с гор

Прошел месяц с тех пор, как я вернулся на Медвежью речку, и вроде бы все шло довольно неплохо. Многие проделывали путь во много миль, чтобы поглядеть на Капитана Кидда да послушать историю о том, как я вздул Дикого Билла Донована. Моя новая одежда пришлась по вкусу Эллен Рейнольдс. Но и в этой бочке меда не обошлось без трех ложек дегтя: брат Джоэля Брекстона Джим, папаша Эллен и мой дядюшка Гарфильд Элкинс; о последнем-то и пойдет речь.

Старик сразу меня невзлюбил, но, поскольку мне уже приходилось иметь дело с папашей Макгроу, я кое-чему научился. Я не допускал никаких глупостей, да к тому же и Эллен была не так чувствительна на этот счет, как Глория. А вот с Джимом Брекстоном было сложнее. Я довольно грубо втолковал ему, чтобы он не подходил к Эллен, но все равно я не был уверен, что он не станет ошиваться вокруг нее и любезничать с ней в мое отсутствие; к тому же я не знал, что сама Эллен об этом думает. Но я худо-бедно справлялся, пока в бочку меда не добавилась третья ложка дегтя.

Из Техаса к нам с визитом приехал дядюшка Гарфильд Элкинс.

Это уже само по себе не предвещало ничего хорошего, но вдобавок на станцию между Топотом Гризли и Жеваным Ухом напали какие-то головорезы в масках, и дядюшка Гарфильд, который никак не мог забыть, как лет тридцать, а то и все сорок назад его обставили в стрельбе, решил достать свой ржавый револьвер вместо того чтобы поднять руки вверх, как ему было сказано. Повезло, что бандиты не вышибли ему мозги, а всего лишь треснули по голове пушкой сорок пятого калибра. Кончилось дело тем, что дядюшка обнаружился в повозке, на которой его вместе с прочими пассажирами везли в Жеваное Ухо; он лишился всех наличных денег и остался без наручных часов.

Из-за этих самых часов и начались все беды. Часы достались дядюшке в наследство от деда из Кентукки, но никто из родни так над ними не трясся, как дядюшка Гарфильд.

Не успел он приехать на Медвежью речку, как тут же принялся выть о своих бедах, будто волк, страдающий от несварения. И с тех пор ни о чем другом он не мог говорить, кроме как о своих злосчастных часах. Видал я раньше эти часы – ничего особенного. Дядюшка Гарфильд постоянно терял ключ, которым заводились эти здоровенные, с мой кулак, часы, а потом искал его с завидным упорством. Зато они были из чистого золота, и дядюшка называл их каким-то реликвием, хотя я ума не приложу, что это значит. Все наше семейство чуть не свихнулось от его нытья.

– Это надо же, прямо под носом у таких громил, как мой племянничек, бедного старика грабят среди бела дня, – горько жаловался он. – Вот если бы моего дядю во времена моей молодости так оскорбили, я бы немедля бросился вслед за бандитами, я бы не мог ни спать, ни есть, пока не вернул бы часы, а вдобавок не прихватил бы скальп того разбойника, что посмел присвоить их. Не то что нынешняя молодежь... – И все такое, а мне от этих разговоров уже хотелось окунуть старого ворчуна головой в бочонок с кукурузным виски.

В конце концов, меня решил вразумить папаша. Почесывая бороду, он подошел ко мне и сказал:

– Брекенридж, – говорит, – довольно я уже наслушался нытья нашего дядюшки Гарфильда, сил уже нет. Иди-ка ты поищи его треклятые часы, да смотри, без

них домой не возвращайся.

- Да где ж мне их теперь искать? - запротестовал я. - Тот, кто их стащил, сейчас уже может быть где угодно, хоть в Калифорнии, хоть в Мексике.

- Знаю, дело непростое, - согласился папаша. - Но ты вроде как сам хотел стать героем, прославиться на весь свет?

- Так это когда было, - говорю, - всему же свое время. Сейчас вот я уже хочу жениться и не собираюсь все бросать и искать ветра в поле.

- Ну, нет уж, - говорит папаша, - я все решил. Если дядюшка Гарфильд узнает, что его часы кто-то разыскивает, может быть, он даст нам хоть немного покоя. Так что отправляйся немедленно, а если не сумеешь найти часы, то не возвращайся, покуда дядюшка Гарфильд не отчалит домой.

- А как долго он еще у нас пробудет? - спрашиваю.

- Ну-у, - протянул папаша, - дядюшка Гарфильд меньше, чем на год, к нам никогда не приезжал.

Тут уж я как следует, от всей души выругался.

- Это что же, мне придется целый год где-то скитаться? Черт возьми, папаша, ведь не успею я уехать, как Джим Брекстон тут же захомутаает Эллен Рейнольдс! Я же ведь из сил выбился, обхаживая эту девицу! Трижды ее папаше морду начистил! А теперь, когда я почти добился своего, ты говоришь, чтобы я целый год не появлялся дома! Ведь тогда этот чертов Джим Брекстон меня обставит!

- Придется тебе выбирать: или Эллен Рейнольдс, или семейное дело, - ответил папаша. - Если я еще хоть раз услышу дядюшкино нытье, я за себя не отвечаю. Так что выбирай сам, только знай: если откажешься, то на глаза мне лучше не попадайся, иначе придется тебе карточек из штанов выковыривать.

Вот так я и оставил родной дом, а вместе с ним и Эллен Рейнольдс, и чернее тучи отправился на поиски часов дядюшки Гарфильда.

Я проехал мимо дома Брекстонов – хотел сделать Джиму последнее предупреждение по поводу того, как ему следует себя вести в мое отсутствие, – но его седла, обычно висевшего на заборе, было не видать, а значит, и самого Джима дома не было. Так что я обошелся общим предупреждением для всей семьи: швырнул им в окно пулю сорок пятого калибра, да так, что та вышибла кукурузную трубку изо рта старика Брекстона. Это меня немного утешило, но я прекрасно понимал, что стоит мне скрыться из виду, как Джим тут же примется пчелой виться вокруг дома Рейнольдсов. Я так и видел, как он сидит у них за столом, пожирает медвежьи стейки, поджаренные Эллен, заедает медом, и все это – не переставая бахвалиться перед ней. Оставалось только надеяться, что Эллен увидит разницу между этим хвастуном и мной – скромным, тихим молодым человеком, который никогда никому не пускает пыль в глаза, хотя все знают, что он – то есть я, самый сильный и непобедимый парень в Гумбольдтских горах.

Я ехал по тропинке, все еще надеясь встретить Джима где-нибудь в лесу. Я хотел как-нибудь помешать ему ухаживать за Эллен, пока меня нет: например, сломать ему ногу или что-то вроде того, но удача была не на моей стороне.

Я отправился в сторону Жеваного Уха, и несколько дней спустя меня во всем моем мрачном великолепии могли наблюдать жители деревень, находящихся на приличном расстоянии от Эллен Рейнольдс. О часах в Жеваном Ухе никто ничего не знал, так что я решил прочесать местность до Топота Гризли. Все равно я не верил, что когда-нибудь найду тех бандитов.

Папаша всегда говорил, что однажды мое любопытство меня же и прикончит, потому что, едва заслышав пальбу где-нибудь в горах, я тут же спешил разузнать, кто кого там убивает. Вот и тем утром, как только из чащи леса послышался ружейный грохот, я тут же развернул Капитана Кидда и отправился посмотреть, что там за шум.

Едва заметная тропинка вилась между булыжниками и зарослями кустов, и звуки выстрелов становились все громче. Вскоре я вышел на лужайку, и тут – бам! – кто-то пальнул в меня из кустов, и пуля калибра сорок пять – семьдесят перебила поводья почти ровнехонько пополам. Я, долго не раздумывая, выстрелил в ответ из своего сорок пятого, и что-то мелькнуло среди листвы. Из кустов выскочил незнакомец, он вопил и размахивал руками. Моя пуля угодила прямо в его винчестер и выбила оружие из рук стрелка.

– Прекрати верещать, будто недорезанная свинья, – сказал я строго, наставив ствол ему в брюхо, – и отвечай, для чего это ты подкарауливаешь безобидных странников?

Он прекратил заламывать руки и ответил:

– Я принял тебя за одного бандита, Джоэля Кейрна. Вы с ним одного роста.

– Ясно, – отвечаю. – Только я – не он. Я Брекенридж Элкинс с Медвежьей речки. Услышал пальбу и пришел посмотреть, что тут у вас происходит.

За спиной незнакомца снова загрохотали выстрелы, и кто-то громко осведомился, в чем дело.

– Ни в чем, – крикнул он в ответ. – Ошибочка вышла. – После этого он снова повернулся ко мне. – Хорошо, что ты здесь, Элкинс. Нам как раз нужен такой человек, как ты. Я Дик Хопкинс, шериф из Топота Гризли.

– А где же твоя звезда? – удивился я.

– Обронил где-то в зарослях, – объяснил он. – Мы с помощниками преследовали банду Тарантула Биксби, шли за ними по пятам днем и ночью, пока не загнали в угол. Теперь они засели в старой заброшенной хибаре, а мои парни ведут с ними перестрелку. Я услышал, как кто-то приближается, и пошел посмотреть. Как я уже сказал, принял тебя за Кейрна. Пошли с нами. Поможешь.

– Но я же не представитель власти, – говорю. – И ничего не имею против этого вашего Трантеля Биксби.

– Ты что это, отказываешься поддержать правосудие? – спросил он.

– Вроде того, – отвечаю.

– Эх, чтоб тебя! – запричитал он. – Что за граждане у нас! То-то страна и катится ко всем чертям. Ну как тут выжить честному человеку?

– Ладно, – говорю, – не шуми. Все равно мне интересно посмотреть, что там у вас происходит.

Дик подобрал ружье, а я привязал Капитана Кидда к дереву и пошел в лес вслед за шерифом. Когда деревья остались позади, я увидел какие-то булыжники, а за ними – четверых скрюченных мужчин: они то и дело высовывались из-за камней и палили в кого-то. Холм резко шел вниз, а там было небольшое углубление, навроде чаши. Посреди этого углубления стоял домик, из щелей меж бревен которого сочился дымок.

Прячущиеся за камнями незнакомцы обернулись и удивленно посмотрели на меня.

– Какого черта? – спросил один из них.

Шериф окинул их грозным взглядом.

– Знакомьтесь, парни, это Брек Элкинс. Я ему уже рассказал, как мы преследовали бандитов из Топота Гризли и как загнали Тарантула Биксби и двоих его головорезов в ловушку.

Один из помощников шерифа громко загоготал, а Хопкинс посмотрел на него и спросил:

– А ты чего смеешься, гиена ты пятнистая?

– Табаку нанюхался, у меня всегда от него припадок случается, – пробормотал помощник шерифа и отвернулся.

– Подними правую руку, Элкинс, – потребовал Хопкинс, и я повиновался, хотя не понял, зачем, а он продолжал:

– Клянешься ли ты говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и плюрибус унум, анно доминикер, во имя статуса кво?

– Чего ты такое говоришь? – не понял я.

– И в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии, – продолжал Хопкинс. – Все, что ты скажешь, будет использовано против тебя, да хранит Господь твою душу. Все, ты теперь помощник шерифа. Ты только что принял присягу.

– Ну, нет уж, я вместо тебя кактус жевать не собираюсь, – фыркнул я. – И бандитов твоих ловить тоже. И нечего так на меня смотреть. Я твое ружье погну об твою же голову, если захочу.

– Ну, Элкинс, – взмолился Хопкинс, – с твоей помощью мы этих крыс вмиг переловим. Тебе и делать-то ничего не придется, просто лежи за тем большим камнем да стреляй по ним, чтобы они думали, будто мы еще тут. А мы тем временем тихонько обойдем их и нападём с другой стороны. Смотри, на том конце склона деревья растут совсем близко к дому, вот мы за ними и спрячемся. Это проще простого, если только кто-то будет отвлекать их с этой стороны. Награду разделим по-честному.

– Не нужны мне ваши треклятые кровавые деньги, – говорю, а сам начинаю пятиться. – К тому же... ай!

Я не заметил, как высунулся из-за большого камня, который скрывал меня от разбойников, и в ту же секунду пуля тридцатого калибра просвистела мимо, зацепив заднюю часть моих штанов.

– Чертовы убийцы! – взревел я, обезумев от ярости. – Давай сюда ружье! Я им покажу, как стрелять в спину! Ну, чего ждете, идите, хватайте, пока я отвлекаю их серенадой раскаленных пуль!

– Молодец, – похвалил меня Хопкинс. – Мы в долгу не останемся.

Когда они тихонько отходили, мне послышалось, будто кто-то хихикнул себе под нос, но я не придавал этому значения. Я аккуратно высунулся из-за камня и принялся палить в сторону развалюхи. Целиться как следует не получалось, поэтому я просто стрелял туда, откуда шел дымок – в щели, сквозь которые отстреливались бандиты. Судя по воплям и проклятиям, которые доносились оттуда, стрелял я довольно метко.

Они продолжали отстреливаться, пули отскакивали от булыжников, а я все поглядывал на дальний склон, высматривая там шерифа и его сподручных. Но

никто не появлялся. Только топот копыт подсказывал, что кто-то поскакал на запад. Я задумался, кто бы это мог быть, но по-прежнему продолжал наблюдать за противоположным склоном холма, где вот-вот должны были появиться шериф с помощниками, чтобы подкрасться к головорезам с тыла. Я снова вытянул шею, и вдруг – р-раз! – пуля угодила в камень в нескольких дюймах от моего лица. Она срикошетила, но от камня откололся кусочек и угодил мне прямо по уху. Ничто на свете не способно разозлить меня так, как выстрел в ухо.

Я так расвирепел, что даже не стал стрелять в отместку. Обычного ружья было недостаточно для возмездия. И вдруг я заметил, что огромный камень, за которым я сидел, был вкопан в землю лишь самую малость. Я отшвырнул ружье, согнул ноги в коленях, расставил руки пошире и обхватил камень.

Я помотал головой, разбрызгивая во все стороны капли крови и пота, и рявкнул так, чтобы они меня хорошо расслышали.

– Даю вам последний шанс сдаться! Выходите с поднятыми руками!

Они выкрикнули в ответ что-то невнятное и, очевидно, насмешливое. Тогда я крикнул:

– Все с вами ясно, ослы вы бесхвостые! Хотите, чтобы вас расплющило в лепешку – сами виноваты! А ну, получай!

Я изо всех сил налег на камень. На висках у меня проступили вены, сапоги ушли в землю, но земля тут же вздыбилась и пошла трещинами, а снизу камня посыпались комья глины, и наконец огромный булыжник с грохотом покатился вниз.

Из хибары слышались удивленные возгласы. Я прыгнул в кусты, но бандиты были слишком ошарашены, чтобы стрелять в меня. Огромный булыжник все быстрее и быстрее катился вниз по склону, подминая под себя кусты. А заброшенный дом стоял как раз у него на пути.

Бандиты в ужасе заверещали, затем дверь с размаху открылась, и я увидел на пороге человека. Едва он показался в дверях, как я тут же выстрелил в него. Он взвыл и снова спрятался внутри – а кто поступит иначе, когда пуля калибра сорок пять – девяносто сшибет шляпу с его головы? В тот же миг грохочущий

камень снес хибару начисто. Ба-бах! Бревна посыпались в разные стороны, будто кегли, а камень пробил заднюю стену, и вся постройка скрылась в клубах пыли, коры и щепок.

Я подбежал к руинам и по звуку понял, что там еще не всех передало.

– Сдаются? – взревел я.

– Сдаемся, сдаемся, чтоб тебя! – провыли они в ответ. – Только вытащи нас из-под этого завала!

– Оружие бросить на землю! – приказал я.

– Как мы можем что-то бросить, черт бы тебя побрал? – гневно отозвались они. – Нас придавило тонной досок и камней, нас в любую минуту может насмерть задавить! Помоги же, чего ты встал! Душегуб!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Хонда – американское название специального узла, используемого в ковбойском лассо. – Здесь и далее – примеч. переводчика.

Купити: <https://tellnovel.com/robert-govard/dzhentl-men-s-medvezh-ey-rechki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)